

Russian Academy of Sciences
Institute of Europe

Moscow Department
of Friedrich-Ebert-Foundation,
Germany

THE EUROPEAN MODEL ON THE EVE OF THE 21ST CENTURY

*Reports
of the Institute of Europe*

Report of the Institute of Europe № 60

Moscow 1999

Российская Академия Наук
Институт Европы

Московское представительство
Фонда им. Фридриха Эберта,
Германия

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА

*Материалы международной конференции
Москва, 19–20 мая 1999 г.*

ДОКЛАДЫ ИНСТИТУТА ЕВРОПЫ
Доклад Института Европы № 60

А 99 - 07879

Москва 1999

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционный совет:

*В.В.Журкин (председатель), В.Н.Шенаев, С.А.Караганов,
Н.П.Шмелев, Ю.А.Борко, Л.Н.Володин, Г.А.Воронцов,
В.Г.Машлыкин.*

Общая редакция, предисловие и заключение:

К.С. Вяткин, Ю.И.Рубинский, В.С.Рыкин.

Предисловие	7
Состав участников конференции	13
Материалы заседаний конференции	17
Заключение	139

CONTENTS

Introduction	10
List of members	13
Materials of the Conference	17
Conclusions	139

Предисловие

Идея проведения международной конференции на тему "Европейская модель на пороге XXI века" принадлежит французскому Фонду Ж.Жореса. В конце 1998 г. его руководство обратилось к Институту Европы Российской Академии Наук с предложением поддержать эту идею. Получив согласие Института Европы, французы разработали проект общей концепции конференции, в которую российская сторона, в свою очередь, внесла определенные изменения и дополнения. В окончательном виде основные положения концепции выглядели следующим образом.

Финансовый кризис, разразившийся в Латинской Америке и перекинувшийся в 1997 г. на Юго-Восточную Азию, спровоцировал дефляцию в Японии и обвал российской экономики. Он вновь стучится в двери стран Латинской Америки и грозит затронуть наиболее развитые в экономическом отношении страны - Соединенные Штаты и Западную Европу. Этот кризис наглядно демонстрирует границы модного в 70-е - 80-е гг. ультралиберального "единого мышления".

Отсюда - необходимость переосмыслить теоретические основы и практическое применение монетаристских рецептов, которыми вдохновлялись в течение долгого времени как большинство правительств, так и международные организации, созданные в конце Второй мировой войны в Бреттон-Вудсе (МВФ, МБРР).

Лучше всех вооружена для этого Европа. Будучи исходным рубежом развития современной экономики, она была колыбелью двух основных концепций организации человеческого общества - либерализма и социализма. Расколотая их столкновением в ходе войн и революций XX века, Европа выработала в конечном итоге оригинальный синтез свободного рынка и общественных служб с тем, чтобы обеспечить оптимальное сочетание экономической эффективности с социальной справедливостью в рамках

плюралистической демократии, единственно способной гарантировать права человека.

Между тем эта "европейская модель" кажется сегодня поставленной под вопрос необратимой глобализацией международной экономики, конкуренцией других моделей - американских и азиатских, препятствиями на пути перехода на Востоке бывших социалистических стран к рыночной экономике, освобожденной от бюрократической и тоталитарной системы управления, полностью сохраняющейся проблемой развития Юга.

Наконец, само европейское строительство, важнейший феномен конца века и обнадеживающая перспектива третьего тысячелетия, сталкивается с собственными вызовами - углублением, решающим этапом на пути к которому должен стать переход к единой валюте, незаконченного социального измерения ввиду хронической массовой безработицы, и расширением, диктующим полную перестройку институционального здания Сообщества.

Итак, настал час для подведения предварительного итога прошлого, оценки настоящего, прогноза на будущее европейской модели в целом и ее специфических вариантов. Коль скоро различия являются не только причиной конфликтов между европейцами, но также источником богатства и свободы европейских стран, каждая из них может в свете своей истории, культуры, опыта, внести вклад в общие размышления о будущем нашего континента. Где оптимальный баланс между государственными и частными секторами, равновесием бюджета и стимулированием экономического роста? Куда идет национальное государство, подтачиваемое снизу децентрализованными полномочиями регионов, местных властей и сверху возникновением многонациональных структур. Каким будет место Европы в завтрашнем мире? Наконец, каким будет его духовное послание, адресованное человечеству на пороге третьего тысячелетия?

В этой связи особую тревогу вызывают события в Югославии. Разрастание конфликта представляет серьезную угрозу для европейской безопасности.

Было решено кроме российских и французских участников пригласить на конференцию также представителей ФРГ и Австрии. Германия, как известно, с января по июнь 1999 г. включительно председательствовала в Европейском Союзе, получив "эстафету" от Австрии, которая была председателем ЕС всю вторую половину 1998 г. Однако представители этих стран были включены не только по этим соображениям. От объединенной Германии очень многое зависит в современной Европе. Австрия же своим нежеланием вступать в НАТО и в целом очень взвешенным внешнеполитическим курсом представляет большой интерес как с точки зрения соблюдения нейтралитета, так и обеспечения большей стабильности на европейском континенте.

Предлагаемые материалы конференции представляют собой не стенограмму заседаний, а подробное изложение выступлений ее участников. При этом редакционный коллектив стремился максимально сохранить стиль устной речи.

В подготовке конференции, ее проведении и оформлении материалов принимали участие научные сотрудники Центра германских исследований и Центра французских исследований Института Европы РАН.

Наряду с Институтом Европы роль организатора конференции взял на себя германский Фонд им. Фридриха Эберта, который имеет в Москве постоянное представительство.

Introduction

The international conference «European model on the eve of the 21st century» was initiated by the Jean Jaures Foundation (France). Late in 1998 the Board of the Foundation asked the Institute of Europe (Russian Academy of Sciences) to support the project. In accord with the Institute of Europe, the French colleagues elaborated the draft general concept of the conference, and then the Russian partners inserted several amendments and annexes. Here are the main points of the concept.

The financial crisis, which had broken out in Latin America and then in 1997 flopped to South-Eastern Asia, provoked the collapse of the Russian economy. It is knocking again at the door of Latin American countries and is threatening to involve the USA and Western Europe - the most economically advanced states. The crisis has revealed limits of the popular in the 1970-80ies ultra-liberal idea of «joint thinking».

So it seems necessary to renew theory and practice of the monetarist recipes which have inspired for a long time both the majority of governments and the international organizations, created at the end of the World War II in Bretton-Woods (ICF, IBRD).

Europe is really well-equipped to fulfill this task. As a starting point of the modern economy it gave birth to both main concepts of human society organization - liberalism and socialism. Disrupted by their clash during the wars and revolutions of the 20th century, Europe has finally created an original synthesis of a free market and public services to provide for optimal combination of economic effectiveness and social justice in the framework of pluralistic democracy which was only capable to guarantee the human rights.

However this «European model» is contested now by various factors - an irreversible globalization of international economy; competition of other models - American and Asian ones; obstacles faced by the former socialist countries of the East during their transition to market economy, free from bureaucratic and totalitarian management, and at last by the urgent problem of the South development.

Finally, European architecture - the most important phenomenon of the expiring century and at the same time the hopeful perspective for the third millennium - is facing its internal challenges: difficulties of integration deepening because of chronic mass unemployment in particular and the EU enlargement, which demands a complete restructure of its institutional framework.

Thus, it is high time to summarize the past experience, to estimate the present and to make prognosis of the European model development in general as well as of its specific variations. So far as distinctions not only have entailed conflicts, but also become a source of flourishing and freedom for European states, every country might contribute to the common scenario of our continent future, basing on national history and cultural achievements. What is an optimal balance of public and private sectors, budget equilibrium and economic growth stimulation? Where is national state moving while being weakened by the regionalization process, on the one hand, and development of supranational structures, on the other hand? What place will Europe occupy in a would-be world? And, lastly, what intellectual message will the mankind receive on the eve of the third millennium?

This is the Yugoslavian crisis which causes great concern in this connection. Proliferation of conflict threatens seriously European security as a whole.

It was decided to invite Russian and French participants and their colleagues from Germany and Austria as well. Germany presided in the European Union in January-July of 1999, having succeeded Austria on this post. But these states

presidency was not the only factor to influence the choice. United Germany's position determines in many aspects the situation in Europe. Austria, demonstrating very considered external policy course with no intention to join the NATO represents great interest from the viewpoint of preserving neutrality as well as of ensuring greater stability on the European continent.

Researchers of the Centre for the German research and the Centre for the French research of the Institute of Europe (RAS) took part in preparing of the conference, its conducting and publishing its materials.

The Friedrich Ebert Foundation (Germany) with its Permanent Mission in Moscow shared the organizational tasks with the Institute of Europe.

Список участников конференции

"ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА"

1. Бар Э.	внешнеполитический советник
фракции СДПГ в бундестаге
(Германия)
2. Баранова К.К.	с.н.с., Институт Европы РАН
3. Беле Ж.	профессор, советник министра
экономики, финансов и бюджета
(Франция)
4. Белов В.Б.	рук. центра, Институт Европы РАН
5. Блинов А.Ю.	директор по общественным связям
компания "Олимпия-Райзен"
6. Вяткин К.С.	с.н.с., Институт Европы РАН
7. Гандельман В.А.	профессор РГГУ
8. Гиллер Й.	ведомство федерального канцлера
Австрии
9. Гриценко Н.И.	ректор Академии труда и социальных
отношений
10. Густенау Г.	полковник министерства обороны
Австрии
11. Гутник В.П.	зав. отделом Института мировой
экономики и международных
отношений (ИМЭМО РАН)
12. Диаповский А.С.	Росбизнесконсалтинг
13. Журкин В.В.	академик, директор Институт Европы
РАН
14. Загорский А.В.	проректор МГИМО
15. Зигль В.	посол Австрии в РФ

16. Зюганов Г.А. руководитель фракции КПРФ в Госдуме РФ
17. Иванов А.П. МИД РФ, IV европейский департамент
18. Караганов С.А. зам. директора Института Европы РАН
19. Каргалова М.В. с.н.с., Институт Европы РАН
20. Кеваль А. представитель Фонда Ж.Жореса (Франция)
21. Киршин Ю.Я. Академия военных наук
22. Ковальский Н.А. рук. центра, Институт Европы РАН
23. Коэн Э. профессор Парижского института политических наук, сотрудник Национального центра научных исследований (Франция)
24. Лангхайнц А. сотрудница военно-научного отдела министерства обороны Австрии
25. Лебедев В.В. движение "Отечество"
26. Максимычев И.Ф. бывший советник-посланник СССР в ГДР, Институт Европы РАН
27. Малек М. сотрудник военно-научного отдела министерства обороны Австрии
28. Мироненко В.И. координатор движения «Общественное согласие»
29. Мироненков Е.Г. зам. директора Института Европы РАН
30. Мюллер М. зам. председателя фракции СДПГ в бундстаге (Германия)
31. Наук Г. сотрудница аппарата Правления СДПГ (Германия)
32. Павлюшин В.М. МИД РФ
33. Райтер Э. начальник стратегического управления и руководитель военно-научного отдела министерства обороны Австрии
34. Римащевская Н.М. директор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН
35. Рубинский Ю.И. рук. центра, Институт Европы РАН
36. Рыкин В.С. зав. сектором, Институт Европы РАН
37. Соколова Т.В. м.н.с., Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН)
38. Ступарь С.К. администрация Президента РФ
39. Терехов В.П. бывший посол РФ в ФРГ
40. Фалин В.М. бывший посол СССР в ФРГ
41. Федоров В.П. вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей
42. Федосов П.А. советник председателя Совета Федерации
43. Хан О. глава представительства Комиссии ЕС в России
44. Хрусталев Г.А. движение "Общественное согласие"
45. Царегородцев С.С. координатор движения «Общественное согласие»
46. Циренщиков В.С. рук. группы, Институт Европы РАН
47. Шемятенков В.Г. бывший посол СССР при ЕС, Институт Европы РАН
48. Шенаев В.Н. член-корр., зам. директора Института Европы РАН
49. Шестакова Е.Е. с.н.с., Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН)
50. Шмелев Н.П. член-корр., зам. директора Института Европы РАН

51. Шпангер Х.-Й. вице-директор Гессенского фонда проблем мира и конфликтологии (Германия)
52. Шрайнер О. генеральный секретарь СДПГ (Германия)
53. Шульце П. руководитель московского представительства Фонда им. Фридриха Эберта (Германия)

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**директора Института Европы РАН акад. В. В. Журкина и
руководителя Московского представительства Фонда
им. Фридриха Эберта д-ра П. Шульце.**

В. В. Журкин. Идея обсудить то, что мы называем “европейской моделью”, витала в воздухе довольно давно. Причем многие вкладывают в это понятие разное содержание. И хотя о модели идут споры, все-таки есть определенный консенсус относительно того, что данная модель имеет большую социальную направленность, чем другие модели современной цивилизации.

Конечно, необходимо учитывать своеобразие в практической реализации данной модели в различных государствах. В то же время следует отметить, что большое внимание в рамках этой модели уделяется вопросам культуры, а также проблеме соблюдения прав человека. Все это достаточно очевидные вещи. Поэтому было бы интересно более глубоко и детально исследовать эту модель. И даже тем, кто считает, что “европейская модель” как таковая не существует, что это просто нормальная форма западной цивилизации, им, вероятно, тоже было бы интересно принять участие в этой дискуссии.

Мы решили разделить нашу встречу на четыре части и последовательно обсудить государственно-правовые и цивилизационные аспекты “европейской модели”, ее политические и экономические составляющие, а также по-прежнему остающиеся актуальными проблемы европейской безопасности.

Обсуждая эти вопросы в России, мы, как правило, исходим из того, что “европейская модель” - это открытая модель развития для всего мира. Она не противопоставляет себя другим моделям и формам развития современной цивилизации. Для нас в России, или шире - в СНГ и даже в

странах Центральной и Восточной Европы, "европейская модель" является источником опыта, наработанного не одним поколением европейцев. Наверное, у "европейской модели" есть не только сильные стороны. Видимо, есть и определенные недостатки. Эти аспекты тоже было бы интересно обсудить в ходе предстоящей конференции.

Для нас эта встреча является этапной. Мы ожидаем, что она даст хороший импульс для новых исследований и новых попыток в этой области.

П.Шульце. Я принадлежу к той школе, которая подвергает сомнению существование "европейской модели". К сожалению, до сих пор нет единой концепции для Европы. Мы не знаем, куда движется Европа, не знаем, как она будет выглядеть через 15-20 лет. Поэтому, на мой взгляд, трудно говорить о наличии единой модели. Нам сегодня предстоит поразмышлять над разработкой новых элементов нашей политической и социальной системы.

Если мы возьмем модель, которая существует в Германии, например, модель участия в управлении, то я бы сказал, что эта модель невозможна во Франции или других странах, потому что эти страны имеют иные традиции социального сотрудничества. Таких примеров можно привести много.

И все же, если уж говорить о моделях, то при всем своем отрицательном отношении к слову "модель", я бы употребил данное понятие применительно к *процессу*. Процесс европейской интеграции вполне может быть такой "моделью". Уместно, однако, задать вопрос, возможен ли непосредственный перенос этого опыта? Мне кажется, что нет. На сегодняшний день мы наблюдаем в Восточной Европе тенденции дезинтеграции, распада существующих экономических, политических и социальных структур. Идея развития восточноевропейского рынка так и не укоренилась и, скорее всего, будет окончательно похоронена. Поэтому

необходимо учитывать, что мы, говоря о переносе модели с Запада на Восток, имеем дело с иллюзией.

В то же время это не следует понимать лишь в отрицательном смысле. Когда речь идет о готовой продукции, нужно присматриваться к технологии и инструментарию. И то, что в рамках европейского интеграционного процесса было наработано в сфере технологий и инструментария, вполне может рассматриваться как важный элемент для стимулирования поисков собственных моделей или иных самостоятельных структур.

После структурного кризиса 70-х годов, затронувшего все сферы текстильной промышленности, металлургии и т.д., мы имеем сегодня высокотехнологическое современное машиностроение во всех европейских странах. Следует посмотреть, как различные субъекты на региональном уровне, начиная от региональной администрации, союзов предпринимателей, ученых смогли в результате объединения своих усилий и применения определенных методов и инструментария найти решение проблемы адаптации современной экономики к происходящим в мире изменениям.

Это существенные элементы, которые, как мне представляется, важны для внутрисоветской дискуссии. В связи с этим я хотел бы просто упомянуть те препоны, с которыми мы сталкиваемся на региональном уровне и которые создаются бюрократической администрацией. Эти вопросы также могут стать предметом нашего обсуждения. Именно в этих областях целесообразно обращаться к западноевропейскому опыту.

Что же касается сферы социальной защиты граждан, то наши принципы едва ли возможно переносить напрямую. Это же касается и структуры западноевропейского федерализма. Когда обсуждался Маастрихтский договор, то

мы отказались от использования термина "федерализм", потому что англичане вкладывали в это понятие иной смысл, нежели жители континентальной Европы. Они понимали под этим "централизацию". Было принято решение использовать другое понятие - субсидиарность, предполагающее перенесение принятия решений на самый низкий уровень, где эти решения в принципе могут быть приняты и где, собственно, стоит та проблема, которую требуется разрешить. Это, в свою очередь, означает перенос компетенции на уровень элит, которые могут и хотят сотрудничать друг с другом и которые непосредственно связаны с решением каких-то проблем.

Необходимо выходить за границы региональных ограниченных интересов, что предполагает готовность к сотрудничеству на самом низовом уровне. Это были предпосылки для трансформации общества. Здесь очень важно воздействовать на такие процессы извне, что и было существенным элементом общеевропейской интеграции. С этой точки зрения интерес представляют многие элементы, методы и инструментарий, которые были использованы в процессе обновления и модернизации экономической и социальной системы в Западной Европе, включая и проблемы охраны окружающей среды, когда экология рассматривалась не как статья расходов, а как элемент, способствующий модернизации нашей экономики. Это все те элементы, которые играли важную роль в западноевропейской дискуссии и которые ныне могут быть использованы в России. Мне кажется, что если направить нашу дискуссию в это русло, то нам удастся сделать шаг в направлении той цели, которая представляется еще довольно аморфной, особенно в условиях разнонаправленного развития, которое мы наблюдаем в западноевропейской и восточноевропейской частях нашего континента.

Мы должны найти точки соприкосновения, точки обмена опытом, начиная от представителей коммунальных и региональных элит и вплоть до нормального общественного взаимодействия на уровне негосударственных общественных организаций. Иными словами, концепция новой Европы должна исходить снизу. Мне кажется, было бы неправильно давать какие-то указания сверху, как необходимо развиваться, так как это неизбежно приведет к возникновению новых проблем. Повторяю, диалог должен исходить снизу, с базисного уровня. Это будет больше способствовать активизации процесса сращивания Европы.

ВЫСТУПЛЕНИЯ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Э.Бар. Я бы хотел обратить внимание на высказанное здесь понимание Европы. Как мне представляется, дискуссия о Европе не должна быть увязана с одними лишь вопросами экономики, политики и культуры. Необходимо учитывать и такие категории, как власть, военная сила, возможность влиять на других, ибо эти элементы как и прежде играют большую роль. Можно спорить о том, возрастает или уменьшается роль этих элементов сегодня по сравнению с предыдущим периодом истории. Однако нельзя оспаривать тот факт, что эти категории все еще играют огромную роль.

Таков первый вопрос, который стоит сегодня перед Европой. Ответ на него дать очень легко. Европа в военном отношении не имеет власти. Мы вынуждены констатировать тот факт, что США с технической и военной точки зрения вырвались далеко вперед, и пока что я не вижу для Европы возможности догнать США в этой сфере. Поэтому, отвечая на первый вопрос, мы вынуждены смириться с той ситуацией, что первая мировая держава

останется доминирующей державой во всем мире. Эта держава заинтересована в том, чтобы остаться таковой. Она стремится исключить объединение каких-то государств или даже возникновения какого-либо государства, способного воспрепятствовать мировому господству США. США хотят остаться господствующей державой в мире. Может быть, нам это и не очень приятно осознавать, но это реальность.

С моей точки зрения, мировая держава Америка опирается на военную мощь. Я вижу, что хотя американский образ жизни имеет огромную притягательную силу, эта держава намного слабее в сфере общественных структур. Иными словами, американское господство в мире невозможно разрушить с помощью военной силы. Однако это возможно сделать с общественной точки зрения, с социальной точки зрения, с социально-политической точки зрения. Как европеец я смотрю на это с оптимизмом, если мы будем учитывать европейские традиции.

Сегодня же на примере Югославии мы имеем возможность воочию убедиться в том, что из себя представляет американское превосходство и что это означает. Это означает, что в Вашингтоне принимаются решения по вопросу о том, какова должна быть стратегия, цели и средства для достижения этих целей. Не было опровергнуто сообщение корреспондента из Вашингтона о том, что президент Клинтон сохранил за собой право принимать решения на тот случай, если бомбардировка повлечет за собой большие потери среди гражданского населения. Иными словами, американский президент является той последней инстанцией, которая решает, какие цели должны быть подвержены обстрелу, а какие нет. Таким образом НАТО в большей или меньшей степени фактически является исполнительным инструментом, инструментом реализации американской стратегии.

Теперь, конечно, можно утверждать, что это в условиях войны абсолютно неизбежно: кто-то должен руководить, кто-то должен быть ведущим, а кто-то ведомым. Во времена холодной войны мы знали, что если война станет "горячей", то мы, даже в лучшем случае, должны были лишь парировать удары и умереть. Иными словами, мы были заинтересованы в том, чтобы война пребывала в холодной фазе. В период холодной войны немцы, пребывавшие в состоянии раскола, то есть побежденные немцы, по крайней мере имели хоть какое-то преимущество и шанс на выживание.

Отсюда следует, что подлинный интерес Европы должен состоять в том, чтобы военный компонент имел бы меньшее значение, или, говоря иначе, чтобы не сложилась такая ситуация, когда военная составляющая обрела бы решающее значение. Европа заинтересована в развитии, которое характеризовалось бы максимальной степенью разрядки. Европа не может быть заинтересована в конфронтации. Европа заинтересована в разрядке, потому что только в этой ситуации военное превосходство Америки станет относительным и не будет востребовано. Поэтому политическое, экономическое и общественно-политическое значение Европы будет возрастать.

Я вновь обращаюсь к вопросу о Югославии. В настоящий момент нет абсолютно никакого смысла спекулировать о том, как и при каких условиях эта война может быть закончена. Я думаю, что сейчас уже можно проанализировать некоторый опыт этой необъявленной и пока еще незавершенной войны. Это первая война в истории человечества, в которой умирают лишь гражданские лица. Военнослужащие лишь убивают, но не погибают сами. А если кто-то падает с неба, то его спасают. Мы прошли достаточно большой путь, когда интеллектуальный потенциал оружия, кажется, уже начал превосходить интеллектуальный потенциал людей.

Я полагаю, что уже сегодня можно сделать некоторые аналитические выводы, по крайней мере в той степени, в которой они проявились в ходе встречи на высшем уровне в Вашингтоне по случаю 50-летия НАТО. Первый вывод состоит в том, что несмотря на подготовку и оказанный нажим, несмотря на многочисленные заявления, новая доктрина НАТО так и не определила и не сформулировала право альянса на глобальную интервенцию в условиях, когда интересы участников союза подвергаются глобальным угрозам. Дискуссия в Вашингтоне фактически была сведена к определению евроатлантического региона с дополнением, что данный термин должен иметь достаточно узкие рамки для своего толкования.

Второй вывод, состоит в том, что альянс вопреки сделанным ранее заявлениям, не определил для расширения НАТО ни временных рамок, ни потенциальных стран-кандидатов, которые в будущем имели бы шансы на членство в союзе. В очередной раз было лишь заявлено, что "дверь остается открытой".

Третий вывод состоит в том, что германский федеральный канцлер со всей определенностью заявил американскому президенту, что немецкие наземные войска не будут принимать участие в наземных операциях в Югославии. Это отнюдь не означает, что другие не думают о том, являются ли наземная операция неизбежным или необходимым фактором в данной ситуации. Но в любом случае, федеральный канцлер Германии воспользовался своим правом.

На этом примере видно, что в НАТО нет единства по данному вопросу. Видно лишь, что любая страна принимает самостоятельное решение - будет ли она участвовать в предполагаемом мероприятии или нет. Я позволю себе усомниться в том, сможет ли Америка в одиночку или вместе с Великобританией провести наземную операцию в Югославии. Один из американских генералов недавно

заявил: "Если кто-то так думает, то он должен проверить свое умственное и душевное состояние".

Наконец, существует еще один пункт, который не был порожден в Вашингтоне. Этот пункт проистекает из результатов встречи "восемьки" на высшем уровне в Петербурге, что под Бонном. Вы, наверное, заметили, что из всех правительств альянса федеральное правительство было единственным, предложившим компромиссный план из пяти пунктов, которые первоначально были критически восприняты американской стороной. Однако в настоящий момент именно этот план стал основой действия альянса и в принципе был воспринят и Россией, и Генеральным секретарем ООН, и Китаем. Именно этот план является в настоящий момент основой для поиска компромисса. После того, как США согласились с этой программой из пяти пунктов, можно однозначно констатировать тот факт, что Вашингтон по сути дела отказался от своих первоначальных планов принудить Белград к капитуляции. Фактически США в настоящий момент готовы к взаимодействию по вопросу о том, каким образом могут быть реализованы данные пять пунктов программы, предусматривающих среди прочего вывод югославских войск из Косово. Достаточно, если одна из мировых держав введет на данную территорию военный контингент и обеспечит возможность возвращения беженцев на свою территорию. В практическом плане это означает, что США, хотя и не делая официальных заявлений на этот счет, согласились с тем, что в одиночку они не в состоянии в политическом плане, без участия России, Китая, ООН достичь успеха. Это достаточно трудное признание для Америки, потому что эта страна ориентируется всегда только на победу. Между тем представление о том, что какой-то "малыш" на Балканах в состоянии не допустить тотальной победы Америки, в психологическом плане очень трудная задача.

Один из заявленных в Вашингтоне пунктов я сознательно поставил на последнее место. Это положение о том, что альянс в своей доктрине в случае интервенции связывает себя необходимостью получения мандата от ООН. Данный пункт долго подвергался спорам. У меня нет сомнения в том, что США и в будущем не будут ставить себя в полную зависимость от кого бы то ни было в случае проведения операции, соответствующей жизненным интересам Америки или интересам глобальной ответственности Америки в ее понимании. Я думаю, что США не будут связывать себя необходимостью получения мандата, а будут действовать без такого мандата. Собственно говоря, Россия имела такой опыт в своей истории. Россия не может рассчитывать на то, что возможность наложить вето, правом которого она располагает и которое было в прошлом использовано, помещает Соединенным Штатам.

Вместе с тем мы не должны забывать о том, что без права вето ООН не смогла бы пережить конфликт между Востоком и Западом. В некоторых случаях, когда США приходят к выводу о том, что нет необходимости связывать себя мандатом ООН или резолюцией Совета безопасности ООН, любое государство в рамках альянса имеет право высказать свое положительное или отрицательно мнение по предполагаемой операции. Вопрос состоит в том, будет ли это государство альянса участвовать в данной операции или нет. Немецкое правительство уже заявило, что оно не будет участвовать в такой операции.

Обобщая сказанное, хочу подчеркнуть, что склонность к осуществлению интервенций в целом значительно снизилась и, учитывая тот опыт, который мы накопили в Югославии, эта склонность стала значительно менее выраженной. Стремление к расширению НАТО на Восток также ограничено. К тому же следует учитывать, что югославский опыт породил целый ряд новых факторов,

которые необходимо в первую очередь подвергнуть анализу и оценке. Здесь я хотел бы совершить мысленный прыжок и перейти к анализу изменившейся ситуации в результате войны в Югославии.

Мы в Западной или Центральной Европе должны признать, что в прошлом мы поворачивались к Балканскому региону спиной. Мы не рассматривали его серьезным образом. Во времена холодной войны мы не очень внимательно относились к его проблемам, оставшимся за рамками нашего политического сознания. С большим трудом и слишком медленно за последние десять лет мы осознали то, что на Балканах происходят процессы, имеющие для нас достаточно большое значение. Все, что бы ни происходило в этом регионе, оказывает непосредственное воздействие на страны Центральной Европы - будь то в результате потока беженцев, возникновения финансовых проблем или растущего значения Америки, так как Европа не в состоянии разрешить собственными силами сравнительно небольшой конфликт в своем палисаднике. Наиболее важным результатом балканских событий станет, или уже стало, осознание того факта, что Европа не может более медлить с принятием какого бы то ни было решения, уклоняться от заявления о том, что этот регион является нашим непосредственным соседом. Одним из результатов войны в Югославии будет то, что Балканы станут европейским регионом, в том числе и в сознании европейцев.

Это, в свою очередь, поднимает вопрос о том, что невозможно найти решение проблемы Косово, проблемы Югославии в интересах лишь непосредственных соседей - Черногории, Албании, Македонии. Нельзя найти решение данной проблемы, не рассматривая проблему всего региона в целом. Не требуется особо больших усилий для того, чтобы утверждать, что результат в любом случае будет

таким: не должно быть чистых в этническом плане государственных образований.

Итогом данного процесса будет сосуществование различных этнических групп в регионе. Я еще не называл проблему Боснии и Герцеговины. Речь идет об очень неустойчивых государственных образованиях. Это регион, который может стать крайне нестабильным, если после окончания войны в Югославии не принять во внимание соответствующие интересы Боснии и Герцеговины.

Если исходить из принципа самоопределения и заявлять о том, что косовские албанцы должны иметь право на собственное государство, то можно потребовать реализацию данного принципа и для хорватов, и для сербов, живущих в Боснии и Герцеговине. Нельзя будет проигнорировать, скажем, тот факт, что мусульмане хотели бы объединиться со своими мусульманскими братьями или по крайней мере быть с ними в более тесной связи.

В итоге мы должны прийти к выводу о том, что все предлагаемые ныне варианты рассчитаны на слишком короткую перспективу. Стремление стабилизировать данный регион очевидно верно. Оно является составным элементом данной политики. Однако, если делается вывод о том, что данный регион является европейским, то это должно найти отражение не только в вопросе, каким образом возможно ассоциировать данный регион в рамках Европейского Союза. Очевидно, должен быть создан "ассоциированный регион Европейского Союза". Подчеркну: не ассоциация "с" или вхождение "в" Европейский Союз, а именно *ассоциированный регион Европейского Союза* с соответствующей долей ответственностью и наградки.

Однако, судя по всему, и этого будет недостаточно. Различные этносы, если их рассматривать с точки зрения стабильности, будут требовать, чтобы над или под этим

была создана соответствующая политическая структура. Политическая структура может базироваться только на отказе от насилия, то есть отказе от насилия ради изменения существующих границ вне зависимости о того, кто, как, когда и для чего создал эти границы.

Любая из этих границ должна опираться на соблюдение закона отказа от насилия при их рассмотрении. Это зафиксировано в рамках ООН, ОБСЕ, в Парижской хартии. В свое время мы боролись за принцип отказа от насилия в рамках Московского договора. Но есть более современные и общепризнанные принципы, существующие в Европе. Политический отказ от насилия для изменения существующих границ означает, что на основе согласия можно изменить любую границу - но не путем насилия. Без всего этого не удастся добиться стабильности. Если нам это удастся, то это будет также означать, что у НАТО не будет никаких дел. Это чисто европейское дело. Америка, может быть, и будет принимать участие, однако она уже не будет решать эти вопросы. Решать их будут европейцы.

А.В. Загорский. Речь идет лишь о моем понимании возможных подходов к европейской безопасности. Я не претендую на то, чтобы излагать какую-то официальную или полуофициальную версию этого подхода.

Первое: необходимо меньше концентрироваться на текущих событиях. Не следует избегать выводов, которые необходимо делать из событий в Косово для будущей системы европейской безопасности. Мы должны исходить из того, что этот кризис закончится и мы должны уже сегодня думать о том, как мы будем жить дальше после этого кризиса.

Второе: европейский выбор России. Россия должна делать для себя определенные выводы, хотя пока эти выводы даются с большим трудом. Для меня очевидный вывод заключается в необходимости окончательно

отказаться от инерции старого великодержавного мышления. Сколько бы ни говорили о многополярном мире, с учетом всех экономических прогнозов Россия в обозримой перспективе не будет представлять собой самостоятельный полюс будущего мира. Поэтому разговор о многополярном мире во многом лишен смысла.

Это предполагает радикальное изменение мышления в том числе и с точки зрения политики. Если мы продолжаем мыслить в категориях полюсов или центров влияния, то вопрос состоит в том, к какому полюсу ближе окажется Россия в конечном итоге. Вывод заключается в том, что стратегия для России - это поиск оптимальных форм вхождения в европейское экономическое пространство, а именно в пространство Европейского Союза. Это лишний раз подчеркивает один из давно уже прозвучавших тезисов о том, что российская политика должна перестать быть американоцентричной. Инерция такого мышления у нас еще сохраняется, хотя в значительной степени уже преодолена. Российская политика должна быть проевропейской.

Третье: за период 90-х годов, до событий в Косово, до Балканского кризиса мы прошли немалый путь в этом направлении. Я отмечу три основных элемента этого пути.

Во-первых, мы поняли, что система европейской безопасности не будет иерархичной, что в Европе не будет европейской мини-ООН, которая будет управлять другими европейскими организациями. Это означает, что европейская система будет многоинституциональной. Одна из главных проблем заключается в том, как отладить разделение труда - общее принципиальное, и в конкретных ситуациях, - как отработать варианты и способы взаимодействия между существующими институтами. Такая работа ведется в Вене в рамках дискуссии о европейской безопасности.

Во-вторых, если будущая система в Европе будет плюралистической, то, не отказываясь от нашей политики в отношении ОБСЕ, Совета Европы, нам следует выстраивать прямые отношения, прямые механизмы партнерства и взаимодействия с другими европейским и атлантическими организациями, которые имеют существенное значение с точки зрения обеспечения европейской безопасности.

Последнее. Мы начали, начиная с 1994 года, налаживать механизмы политического диалога, консультаций и взаимодействия с Европейским Союзом и НАТО. Как вы знаете, с НАТО в связи с Балканским кризисом эти отношения, по крайней мере, в военной области, прерваны. И в зависимости от развития ситуации на Балканах, продвижения политического урегулирования этого кризиса необходимо уже сейчас думать о тех вариантах и направлениях, на которых мы сможем восстанавливать это взаимодействие. Мы сегодня находимся не на пустом месте, у нас есть определенный, хотя очень хрупкий, задел в деле создания институтов взаимодействия с Европой на самых разных уровнях.

Мой четвертый тезис: наличие проблемы, которая существовала до Косово и которая не исчезнет завтра, после Косово. Когда мы начали выстраивать прямые отношения с различными институтами, разумеется, возник сложный вопрос об отсутствии механизмов, которые позволяют договариваться о распределении ролей между различными институтами в каждой конкретной ситуации. Хотя в рамках ОБСЕ мы говорим обо всем, но многие наши партнеры в ОБСЕ не готовы говорить о разделении этих ролей, а готовы лишь обсуждать, что конкретно ОБСЕ в данной ситуации может сделать.

Когда мы вели диалог с НАТО, то обсуждали только то, что мы могли сделать в плане сотрудничества Россия-НАТО. Когда мы разговаривали с Европейским Союзом, мы говорили о том, что мы можем сделать вместе с

Европейским Союзом. Но в условиях кризисной ситуации возникает потребность в каком-то неформальном органе, в рамках которого можно обсуждать то, каким может быть разделение ролей различных институтов в той или иной ситуации.

До Косово я говорил о двух возможностях, каждая из которых не являлась идеальной. Сегодня можно говорить о трех возможностях налаживания такого взаимодействия. Первая возможность - Совет безопасности ООН после возвращения процесса политического урегулирования Балканского кризиса в русло Совета безопасности. Недостатком здесь является не только опасность злоупотребления правом вето, не только присутствие Китая, который по-разному может реагировать на эти ситуации, но и отсутствие в Совете безопасности в качестве постоянных членов ряда важных игроков на европейской сцене.

Вторая возможность - это контактная группа, в рамках которой до Балканского кризиса наиболее эффективно и продуктивно обсуждались различные варианты, в том числе октябрьский вариант для Косово, соотношение деятельности ОБСЕ и НАТО в ситуации вокруг Косово. Но контактная группа является сугубо неформальной организацией. И у нас нет гарантий того, что такая форма взаимодействия будет стабильной и постоянной. Контактная группа очень уязвима с точки зрения готовности и воли к сотрудничеству всех ее участников.

Наконец, третий вариант, который вырисовывается сегодня в связи с косовскими событиями, - это возможность подумать над формированием такой схемы: консультации в рамках формата "группы восьми", то что сейчас происходит по обсуждению политического урегулирования в Косово.

Пятый пункт: операция НАТО в Косово показала, что это не решение той проблемы, с которой все пытались разобраться в Косово. Все мы оказались в ситуации, когда

возможности политического процесса, связанные на последнем этапе с Рамбуром, были исчерпаны. Мы попали в ситуацию, когда определенные, хорошо известные нормы гуманитарного права не могут быть востребованы ввиду того, что у нас нет для этого механизмов. Бомбардировки в Югославии тоже не являются решением этой проблемы. Сегодня мы видим разрыв между механизмами военного принуждения государств к выполнению своих обязательств в отношении прав человека и прав национальных меньшинств и нормами в Европе, которые ясно сформулированы.

Мне кажется, что задача разработки механизмов мирной интервенции мирового сообщества в целях обеспечения прав человека и прав меньшинств должна быть именно европейской задачей, потому что в глобальном масштабе мы долгое время не сможем развивать такие механизмы в силу более чем прохладного отношения к ним ряда государств на других континентах.

Э.Раймер. Свое выступление я хотел бы посвятить не рассмотрению общих проблем безопасности, а анализу вопроса, называющегося "европейской идентичностью в сфере безопасности и обороны". Я хочу рассмотреть вопрос, может ли измениться европейская архитектура безопасности, если она будет проникнута европейской идентичностью в сфере безопасности, а не духом НАТО. Наше представление о безопасности Европы в значительной мере несет на себе отпечаток НАТО и США. Даже если США намного превосходят нас в военно-технологической сфере, сегодня ситуация в НАТО характеризуется тем обстоятельством, что крупные державы не вступают в новые военные коалиции помимо НАТО.

Мне кажется, что в Европе это стало большим достижением НАТО, что помимо нее не создаются новые военные коалиции. Европейский Союз также сказал здесь свое слово. И мне кажется, что взаимодействие между

этими двумя институтами - НАТО и Европейским Союзом - может расширить созданную в Европе зону безопасности. Дальнейшее расширение Европейского Союза сегодня нереалистично. Сегодня мы также не видим признаков второго этапа расширения НАТО. Есть достаточное количество аналитических исследований, которые показывают, что расширение НАТО не было запланировано, оно просто произошло. Расширение Европейского Союза с точки зрения безопасности также можно подвергнуть сомнению. Я утверждал, что в свое время Европейский Союз сделал, видимо, большую ошибку, приняв Швецию, Австрию и Швейцарию. Это те страны, которые не могут участвовать в создании безопасности в Европе, так как другие европейские страны опираются на свою традицию.

Если малые страны имеют какое-то значение для архитектуры безопасности, они не могут активно участвовать в создании такой архитектуры. Они могут, наоборот, препятствовать или задерживать строительство такой архитектуры безопасности. Есть четыре страны, которые можно обозначить как нейтральные или не входящие ни в какие блоки и т.д. И эти страны должны также участвовать в той работе, которая сегодня называется "поиском идентичности в сфере безопасности". Европейский Союз оказал положительное влияние на нашу страну, и мы позитивно рассматриваем вопросы создания системы безопасности Европы.

Однако это еще отдаленная перспектива. Эти вопросы не являются задачами сегодняшнего дня, потому что это связано с тем, что создание европейской структуры безопасности означает также отказ от определенных элементов национального суверенитета в структуре европейских властных взаимоотношений. Поэтому можно быть скептически настроенным в отношении того, насколько европейские страны действительно готовы выйти

за рамки НАТО или в рамках НАТО найти свою идентичность безопасности.

Я считаю, что конфликт в Косово и война в Югославии может иметь и положительный аспект для европейского развития, если европейским державам станет ясно, насколько низка дееспособность европейских государств. Мы не в состоянии на своем собственном континенте планировать и реализовывать миролюбивые решения. Я полагаю, что это будет периодом определенного поэтапного развития вопроса развития идентичности в области обороны и безопасности и в результате изменения политических позиций приведет нас к тому, чтобы создать новые предпосылки для дальнейшего развития.

Развитие в области оборонной идентичности, если рассматривать процесс реалистично, может осуществляться лишь в рамках НАТО. Это обусловлено тремя причинами. Великобритания не согласится с этим, американцы, в свою очередь, попытаются предотвратить такое развитие ситуации, и, наконец, у нас самих нет денег, чтобы вне рамок НАТО создавать новую структуру обороны.

Рассматривая это на краткосрочную перспективу, можно сказать, что развитие европейской оборонной идентичности будет означать усиление НАТО. Однако, рассматривая развитие процесса в среднесрочной и более длительной перспективе, следует отметить, что внутри НАТО будет иметь место несколько иной расклад. Организация будет представлять из себя уже не только США плюс Великобритания, Франция и Бельгия и т.д. НАТО будет состоять из США, с одной стороны, и Европы - с другой. Это придаст Европе совершенно иной вес и значение. Хотел бы подчеркнуть, что это значение прежде недооценивалось.

Европа является большей, чем США, величиной не только с точки зрения количества жителей. В

экономическом плане, если Европа объединит свои усилия, она оказывается отнюдь не более слабым игроком. Объединенная Европа и в другом плане может стать более значимым действующим лицом. С.Хантингтон утверждает, что после одного-двух десятилетий нынешней системы, состоявшей из некой смеси мультиполярного и однополярного мира с центром США наряду с некоторыми другими региональными центрами, будет создана многополярная система.

Вопрос развития европейской оборонной идентичности, безусловно, породит изрядные проблемы для отдельных членов Европейского Союза. Например, проблема будет состоять в том, будут ли требоваться национальные вооруженные силы или, может быть, достаточно будет иметь объединенные европейские вооруженные силы. Будет иметь место изменение в том плане, что вооруженные силы европейских государств станут крупнейшей военной силой в мире, если не принимать в расчет ядерный компонент. В то же время ядерные компоненты в рамках европейских сухопутных войск или в другом виде могут стать камнем преткновения в дискуссии по данной проблеме.

Многим странам будет достаточно сложно сделать этот последний шаг в данном направлении. Это, однако, касается не только военной сферы, но и в целом сферы международных отношений. Иными словами, более дееспособная Европа должна иметь место для того, чтобы, исходя из собственных интересов, более отчетливо осознавать свои собственные интересы и реализовывать их.

Это можно проследить на конкретном примере, в частности, касающегося мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Мы можем констатировать, что американская способность устанавливать мир и миропорядок снизилась. Требуются дополнительные

факторы порядка для того, чтобы справиться с возникающими проблемами.

Это выходит за рамки израильско-палестинского конфликта. Я считаю, что предпосылки для постепенного возникновения европейской идентичности в области обороны и безопасности, в принципе, существуют. Крупнейшие европейские государства должны продемонстрировать более жесткие и четкие позиции. Я не хотел бы делать прогнозы, так как это крайне неразумно. Но я хотел бы повторить, что проблемная ситуация на Балканах и война в Югославии являются одним из инициаторов того процесса, чтобы идти в направлении усиления оборонной идентичности в Европе.

С.А.Каразанов. Мы породили новую модель европейской безопасности очень своевременно. Старая модель фактически провалилась или проваливается. Старая модель европейской безопасности, которая складывалась вокруг ОБСЕ, ООН и НАТО, сейчас, видимо, будет ставиться под вопрос и разваливаться. В любом варианте агрессия НАТО против Югославии является в этом смысле историческим событием, во многом схожим с теми событиями, хотя и с обратным знаком, которые происходили в начале 90-х годов. Тогда у нас появился шанс создать кооперативную систему европейской безопасности. Через 9 лет мы этот шанс упустили, но тем не менее нам нужно думать о том, что можно делать сообща.

События последних месяцев вернули (сознательно ли это было сделано странами НАТО или нет) проблему безопасности в центр европейской политики. До этого в Европе проблема безопасности была проблемой для узкой группы экспертов. Ведь уровень безопасности, достигнутый в Европе, был беспрецедентным за всю историю европейского континента. Конечно, была проблема с неприятным режимом Милошевича, который вел себя не совсем прилично в отношении национальных меньшинств.

Была еще более неприятная проблема - с де-факто участником европейской системы безопасности турецким правительством, - которое еще менее прилично вело себя в отношении своего меньшинства. Был очень неприятный режим в Хорватии, который не отвечал никаким европейским стандартам и который выкинул за свои пределы около 550 тыс. беженцев. Но тем не менее все эти проблемы были сугубо маргинальны и не относились к коренным проблемам европейской безопасности.

Теперь у нас есть проблема. Эта проблема заключается в том, что в Европе появилась реальная угроза. И эта реальная угроза - НАТО. НАТО является угрозой, по крайней мере, с двух точек зрения. Во-первых, НАТО совершила легальную агрессию, нарушив все свои обязательства и свое моральное кредо, которое заключалось, как известно, в том, что союз демократических государств никогда не может по определению начать крупномасштабную наступательную операцию, не говоря уже об агрессии. Во-вторых, НАТО зафиксировала то, что это нарушение является теперь ее политикой, поскольку новая стратегическая концепция НАТО позволяет опасаться того, что это не в последний раз. Соответственно, НАТО превратилась в ревизионистскую силу, в силу изменяющую статус-кво подобно тому, как в 60-70-е годы Советский Союз отвергал основные международные нормы.

Я думаю, что самые опасные последствия агрессии НАТО в Югославии будут не в Европе. Вокруг Югославии регион будет дестабилизирован очень надолго. Он будет оставаться нестабильным многие годы. Уже сейчас в регионе появилось больше миллиона беженцев. Говорят почему-то только о косоварах, забывая о венграх и сербах, которые в количестве около 300 тыс. перешли венгерскую границу. Число их будет нарастать. Целый ряд стран подвергся дестабилизации. Мы забываем о том, что из

Югославии, и из Косово, кстати говоря, тоже, создается в некотором роде Палестина. Югославии, по арифметическим оценкам, авиацией НАТО уже нанесен больший ущерб, чем гитлеровской люфтваффе во время Второй мировой войны. Страна ввергается в средневековье. Я думаю, что ответом стала огромная волна терроризма, о котором Европа уже стала забывать.

Однако главные последствия, как уже было отмечено, будут вне Европы. Появятся военные союзы, направленные на уравнивание НАТО. Нападение НАТО на Югославию и новая концепция блока легитимизируют распространение ядерного оружия. И если два года тому назад все мы с негодованием отвергали идею Киссинджера и некоторых его коллег о том, что чем больше ядерного оружия, тем лучше (все, мол, друг друга уравнивают), то теперь негодование становится все слабее. Многие люди начинают думать, что Киссинджер, может, действительно был прав. Потому что тогда международный полицейский, к тому же являющийся международным судьей в одном лице, будет менее решительно действовать.

Третьим последствием агрессии НАТО против Югославии является то, что сотрудничество между Россией и НАТО будет прекращено. Оно будет прекращено, если мы не добьемся политического решения, которое удовлетворяло бы Россию и международное сообщество. В любом случае сотрудничество не будет достигать уровня политического партнерства. Скорее всего мы будем иметь в Европе диалог на военно-политические темы, как мы имели в худшие годы холодной войны. Россия будет говорить, что это, мол, у вас 5 самолетов перелетело с одного аэродрома на другой. Является ли это угрозой нам или нет? И мы будем иметь полное моральное право на то, чтобы заявлять об этом.

Кроме этого, конечно, Россия примет концепцию раннего ядерного удара на любое нападение. Вопрос,

который сейчас дебастируется, будет ли это раннее применение ядерного оружия или упреждающее. Надеюсь, что мы ограничимся ранним. Таким образом, в результате действий в Югославии была серьезно дестабилизирована ситуация не только в Европе, но, думаю, и в мире в целом.

Каков может быть выход из создавшейся ситуации? Я полагаю, что каждая страна должна думать сама за себя. Наши европейские коллеги должны думать о том, что они, решив сделать Европу зоной свободной от преследований национальных меньшинств, сделали Европу вновь опасной зоной, зоной нестабильности и военной угрозы.

Однако первое, что необходимо сделать, - надо попытаться решить проблему конфликта. Может быть, частично таким образом мы спасем еще несколько сот тысяч жизней. Сейчас убито несколько тысяч в Югославии. Погибло несколько тысяч косоваров, но разрушения, которые произведены, будут означать гибель сотен тысяч людей в ближайшие годы от лишений и болезней. Нужно предотвратить это. Необходимо восстановить элемент легальности и порядка. Следует попытаться восстановить политические механизмы, которые имели бы политическую и юридическую легитимность в глазах мирового сообщества. НАТО такой легитимности иметь не будет, даже если оно расширится еще на несколько государств.

Я вам изложу один из вариантов этой программы. Сегодня она была опубликована и подписана видными деятелями общероссийского общества.

Первая часть этой программы - возвращение урегулирования под эгиду ООН. К сожалению, ОБСЕ в данной ситуации сыграть свою роль уже не сможет. Этой организации нанесен тяжелейший моральный и политический удар, от которого она не сможет оправиться. Будем надеяться, что хоть что-то от ОБСЕ останется. Таким образом, мы должны работать в рамках договоренностей

"восьмерки", но эти договоренности должны быть весьма конкретными. Сейчас они предельно неконкретны, что позволяет, с одной стороны, Милошевичу делать все, что угодно в Югославии, а, с другой стороны, позволяет под прикрытием этих договоренностей вести агрессию НАТО и ввергать достаточно развитую европейскую страну в состояние средневековья и коллективно наказывать народ за неправильные действия его руководства. Это, кстати, "выдающееся" достижение современной европейской цивилизации.

Далее. Частичный отвод войск Югославии и ввод международного миротворческого контингента также из войск стран, не участвовавших в агрессии. Кстати говоря, НАТО может участвовать в урегулировании, поскольку ее войска могут быть в Албании или Македонии, а также в тех странах, которые участвовали в агрессии. Вряд ли для того, чтобы добиться эффективности своей политики, политики умиротворения в Косово, а также добиться согласия югославского руководства, стоит рассчитывать на то, что оно скоро согласится на введение войск тех стран, которые участвовали в агрессии. Затем происходит окончательный отвод военных контингентов югославских войск и создание фактически протектората ООН, что-то типа подмандатной территории.

Все это достаточно очевидные элементы. Один элемент не очевиден, и к этому элементу нам необходимо идти с максимально быстрой скоростью и с максимальным мужеством, если мы хотим решение этой проблемы. Косово не может быть более единой территории де-факто. Де-юре оно может и должно оставаться югославской территорией, территорией Сербии, автономным краем и т.д. Но сербы и косовары жить вместе не смогут в ближайшие десятилетия. Поэтому любое решение должно с самого начала предусматривать раздел Косово на две зоны. Одна зона была бы полностью подмандатна, оставаясь формально под

юрисдикцией Югославии, вторая зона могла бы оставаться в большей степени под юрисдикции Сербии или Югославии, но на ней должны также находиться войска ООН. Речь должна идти о временном введении подобного рода контингента. Но мы прекрасно понимаем, что это лет на десять.

И третий, не менее существенный элемент, пока практически не обсуждается, - это вопрос о восстановлении Югославии. Если мы не хотим, чтобы Югославия, Сербия, Косово, близлежащие регионы, Македония, превратились в группу Палестин, излучающих нестабильность, терроризм и тому подобное, мы, европейцы, должны предпринять срочные усилия по массовой гуманитарной помощи этому региону. И с каждым днем бомбардировки стоимость этой помощи возрастает. Поиск европейской идентичности во внешней политике может сыграть свою роль. Наиболее логичным источником, а также и управляющим нового плана для Югославии, видимо, должен быть Европейский Союз совместно с соответствующими региональными подразделениями Европейской комиссии ООН. Но реальные деньги, реальная экспертиза должна быть у Европейского Союза.

К сожалению, Россия здесь мало может помочь. Это основные элементы самого урегулирования. Но есть очень существенный элемент российской позиции в отношении этого урегулирования. Я думаю, что выдвинув такой или подобный план, мы должны четко указать временные рамки, в течение которых этот план может быть принят или не принят. Потому что в противном случае Россия должна выходить из процесса урегулирования. Так как иначе получится, что мы будем прикрывать и политику этнических чисток, и политику агрессии, и бомбардировок. Таким образом будем разделять моральную вину за те и другие действия. Я думаю, что это не в интересах России.

И последнее. Возможна ли общеевропейская система безопасности в близлежащем будущем? Думаю, что нет. Мы на 5-10-15 лет потеряли такую возможность. Нам нужно будет приспосабливаться к новым обстоятельствам, к новому миру, к новой роли ядерного оружия, к тому, что ядерное сдерживание вернется в Европу. Но разговоры о том, какова может быть новая система, нужно начинать уже сейчас или сразу после прекращения агрессии против Югославии, потому что одним из уроков последних десяти лет было то, что мы все бессовестно перед своими народами и перед европейской историей упустили историческую возможность.

Надо создавать Европу безопасную и удобную в военном, в политическом и в морально-психологическом плане для проживания европейцев, Европу, которая бы излучала стабильность на близлежащие регионы.

Мы сумели блистательным образом вырвать поражение из рук победы. Европа теперь не будет рассматриваться как источник стабильности, а часть Европы будет рассматриваться как источник нестабильности. Я говорю не только о НАТО. Я говорю и о России, которая рассматривалась и до того как источник нестабильности в силу той политической ситуации, неразберихи и непредсказуемости, которая в ней была. До недавнего времени мы могли рассчитывать, что на Западе у нас есть некая основа стабильности. Теперь, к сожалению, мы на это рассчитывать не можем. Хотя надеемся, что будет продолжение сотрудничества с ЕС и с другими европейскими организациями и что Европа обретет свою идентичность, и таким образом сможет вне военной области стать вновь источником, излучающим эту стабильность, излучающим благосостояние и излучающим традиционные европейские ценности, одним из которых является рационализм. Мы и эту ценность смогли растерять в последние месяцы. Я был потрясен тем, насколько мы плохи

распорядились своей судьбой в столь выгодных обстоятельствах. Надеюсь, что косовская и югославская трагедия заставит нас задуматься. Это основа для оптимизма. Россия, несмотря на то, что она долгие годы будет оставаться нестабильной, гораздо менее демократичной, чувствовать угрозу со стороны Запада, будет готова самым активным образом участвовать в этом диалоге. Хотя, одновременно, она будет искать и военно-политические и иные опоры вне Европы. К сожалению, опора только на Европу более невозможна.

Э.Бар. То, что сказал г-н Загорский, доказывает, что в России отсутствует концепция безопасности во внешней политике. Теоретически об этом можно сожалеть. Однако перед лицом того, что сказал г-н Караганов, надо радоваться тому, что в России нет внешнеполитической концепции. Ибо, если то, что сказал г-н Караганов, станет российской внешней политикой, то я могу пожелать Европе спокойной ночи. То, что он сказал, во-первых, является совершенной противоположностью тому, что сказал г-н Загорский. Это фактически означает возрождение российского нигилизма в последний период. Это ужасно. Это означает, в принципе, что надо отказаться от ОБСЕ.

Мы уже слышали голоса из Москвы о том, что после нарушения соответствующих принципов ООН уничтожена. Если я продолжу выводы и уничтожу ООН полностью, уничтожу ОБСЕ, вынесу цель создания европейской безопасности далеко за линию горизонта, то тогда выяснится, что сегодня необходимо опять думать о применении ядерного оружия.

Это означает, что Россия отворачивается от Европы и возвращается в эпоху угрозы для Европы. Если это так, то это означает политическое объявление войны. В любом случае, это угроза войны для самой крупной партии ФРГ, потому что мы считаем, что после пережитого разочарования нам необходимо усилить ООН, усилить

ОБСЕ, подождать прекращения переговоров в Вене относительно договора об ограничении обычных вооружений. Мы убеждены в том, что необходимо заключать новые договоры сотрудничества между всеми государствами Европы, между Россией и НАТО. Ведь на основе договора о сокращении обычных вооружений можно будет создать безопасность для всех европейских государств, и тем самым НАТО потеряет свою необходимость существования. В этих процессах Россия должна участвовать.

Если Россия впадет в нигилизм и откажется от возможности сотрудничества, то мы тоже должны будем изменить свои ориентиры. Если позиция г-на Караганова стала бы практической российской политикой, то это имело бы следствием совсем иные результаты, чем ожидает г-н Караганов. Мы подошли бы к новой чудовищной конфронтации между Россией и Европой. Но это же не наша цель. Я могу сказать только одно: я в ужасе.

Так, например, речь зашла об Основополагающем акте о взаимоотношениях между Россией и НАТО. Г-н Караганов говорит, что этот документ потерял смысл. Однако я рад, что Россия не отказалась от этого Основополагающего акта. Она временно прекратила участие в работе НАТО. Это нормально. Работу всегда можно возобновить. Но надо иметь документ, который предоставляет России возможность как никогда приблизиться к Европе, иметь орган, а именно совет НАТО-Россия, который достаточно компетентен не только обсуждать вопросы, но и принимать решения по всем вопросам безопасности в Европе, за исключением, одного вопроса - вопроса о нападении на НАТО.

Такой опасности нападения мы не видим. Но не использовать этот шанс - шанс активного сотрудничества в политике, который заставил бы Запад принимать решения и брать на себя ответственность, отказ от такой политики

безответствен. Наш жизненный интерес состоит в том, чтобы создать ситуацию стабильной безопасности во всей Европе, ситуацию, которая дает равную безопасность всем государствам. И это возможно только вместе с Россией. Однако, если Россия отворачивается от нас, то нам придется сделать что-нибудь другое.

С.С.Царегородцев. Я хотел бы, успокоить г-на Бара и доказать, что в России существуют и позитивные взгляды на решение данных вопросов. Если говорить о европейской модели на пороге XXI века, то прежде всего необходимо выделить главные и характерные особенности.

Главное состоит в том, что европейская модель стала именно моделью мирного сосуществования в отличие от мирового порядка, который строился последние 50 лет в ядерном противостоянии. Европа показала пример мирного сосуществования независимо от экономических, культурных, национальных и религиозных различий. Основным секретом этого мирного сосуществования являются принципы организации жизни во всех ее аспектах в странах Европы, в большей или меньшей степени экономические, политические и социальные аспекты существования народов, составляющих Европу. Определенным образом можно сказать, что Европа обладает социальной технологией устройства общественной жизни, которая позволяет мирно сосуществовать различным народам на ее территории. Если принять эту точку зрения как правильную, то существенно будут различаться подходы и оценки различных мировых событий, в том числе и ситуации на Балканах и Косово. Почему-то мы принимаем за аксиому, что косовары и сербы не могут мирно сосуществовать. Почему мы предполагаем, что существует как бы двухэтажная мораль? Европа в Северной части может существовать мирно, а в Южной нет. Я утверждаю, что имеются социальные технологии, содержащие в основе своей принципы государственного

устройства, которые позволяют мирно сосуществовать разным народам, меньшинствам на любой территории.

Если эту аксиому отвергнуть, то, соответственно, принимается решение исходя из того, что косовары и сербы не могут жить вместе. Отсюда и подходы к решению вопроса, что в любом случае (в пользу сербов или косоваров), мы получим ущемление чьих-то прав. Если отойти от этой аксиомы, то мы получаем нормальное и практическое решение этого вопроса.

Вопрос состоит в том, обладает ли Америка и знает ли она технологии мирного сосуществования народов? Знает и обладает. Это - американская конституция. Почему же Америка не предлагает (как, впрочем, и никто, в том числе и Россия) эти принципы сосуществования Милошевичу? Никто не заставляет Милошевича принять эти принципы государственного устройства, при котором спокойно решают все эти проблемы. Если этого не делается, то я могу уверенно сказать, что Америке нужен повод для вооруженного конфликта на территории Европы, что она и делает.

Нам необходимо изменить подходы и оценки, понять нашу роль, в том числе роль европейских государств, в этом конфликте и правильно подходить к данному решению вопроса. Я думаю, что в любом случае, во все времена нужно осуждать военное вмешательство, потому что никакими ракетами нельзя решить какие-либо конфликты.

В.П.Терехов. Я думаю, что выступление С.А.Караганова не следует понимать таким образом, что Россия собирается уходить из Европы или что он высказывается в духе того, чтобы Россия ушла из Европы. Никогда мы, конечно, не денемся из Европы. Мы были и остаемся европейским государством и, разумеется, будем думать о том, что нужно делать после завершения

косовского кризиса, и будем искать пути согласования позиций всех европейских государств во имя будущего.

Мы обсуждаем сегодня не просто последствия событий в Косово, мы обсуждаем результаты развития за последние десять лет. Со времен окончания холодной войны, со времен окончания того баланса сил, который существовал у нас десять лет назад и который исчез после того, как развалился Советский Союз, исчез Варшавский договор, совершилось объединение Германии и Европа предстала в новом виде по сравнению с тем, что было десять лет назад.

Каковы же результаты этого десятилетнего развития? Что мы получили в результате этого развития? Мы должны эти вопросы задавать. Стала ли ситуация в Европе более стабильной, более надежной? Стал ли мир крепче и безопасность более обеспеченной для европейских народов?

К сожалению, на все эти вопросы мы пока не можем дать положительного ответа. Раскол Европы не преодолен. На континенте бушует война, причем не только нынешняя война в Косово. Была война в Боснии, в Хорватии, в Приднестровье, на Кавказе (даже 2), в Таджикистане, в Чечне, то есть список этих локальных конфликтов очень велик. Все это происходило в период после того, как завершилась холодная война. Еще одним результатом этого 10-летнего развития явилось то, что работа по упрочению европейской безопасности в настоящее время является заблокированной. Фактически разработка хартии европейской безопасности топчется на месте. По понятным причинам это непосредственное следствие косовских событий. Под вопросом оказывает и работа по адаптации договора об ограничении вооружения в Центральной Европе. Подорвана дееспособность ОБСЕ. Ослаблена роль и значение ООН и Совета безопасности ООН. Усилилась

отчужденность и напряженность в отношениях многих соседних государств в Европе.

Подрываются основополагающие принципы, на которых основывалась до сих пор вся система международных отношений в Европе. Это прежде всего принцип неприменения силы при решении международных споров. Это не только принцип неприменения силы при изменении границ - это гораздо более серьезный и важный принцип. Можно было бы напомнить, что написано в разделе Хельсинкского Заключительного акта - этот принцип был сформулирован очень жестко. Нарушен принцип, согласно которому все силовые акции могут быть применены только с согласия Совета безопасности ООН. Одним словом, перечень событий нерадостный. Фактически под вопросом оказывается та модель общеевропейской безопасности, которая разрабатывалась в последнее десятилетие. И может сложиться впечатление у европейской общественности, что ожидание ее оказались обманутыми.

С тем наследством, которое досталось десять лет назад, обошлись не лучшим образом. Перспективы оказываются не вполне благоприятными и сейчас. Конечно, это не означает, что нужно остановиться и прекратить всякие усилия по выработке новой системы взаимоотношений между европейскими и не только европейскими государствами. Видимо, эти усилия будут продолжаться.

Я не думаю, что главным механизмом будет "восьмерка", потому что "семерка" в прошлом создавалась для решения специфических экономических задач. И сейчас возлагать на "восьмерку" решение всех политических проблем мира, в условиях когда в эту "восьмерку" не входят такие державы как Китай или Индия, было бы преждевременно. Очевидно, не следует отказываться от попыток восстановить роль и значение ООН и ее Совета безопасности. Видимо, не следует окончательно списывать

и ОБСЕ, хотя ей нанесен колоссальный удар акцией стран НАТО в Косово. Видимо, нельзя списывать из наших расчетов и продолжение контактов по двусторонней линии между всеми европейскими государствами. Одним словом, при всей тяжести ситуации, как она видится в настоящее время, видимо, было бы неправильно видеть только теневые стороны современного положения в Европе.

Хотя возникает вопрос и об ответственности за то, что произошло в Европе, особенно на последней стадии в связи с событиями в Косово. Если вспомнить историю 50-летней давности, если вспомнить те принципы и положения, которые были записаны в уставе Международного трибунала в Нюрнберге, то найдем очень яркие характеристики, которые можно и сейчас приложить к событиям в Косово. Этого не хотелось бы делать, но забывать об этом нельзя.

В.М.Фалин. Хотел бы выразить свое мнение в отношении полемического высказывания Э.Бара. В этом году мы празднуем 250-летие со дня рождения Гете, 200-летие со дня рождения Пушкина. Гете принадлежат слова, что если бы люди знали, как редко их правильно понимают, они молчали бы. Это касается выступления и А.Загорского, и С.Караганова. Так воспринимать их выступления, как это явствует из уст г-на Бара, может быть полезно для обострения дискуссии. Но у нас и без того достаточно материала для острой дискуссии. И еще одно высказывание Пушкина: "Односторонность - пагуба мысли". Если мы будем рассуждать только под углом зрения одной стороны и игнорировать, в данном случае, позицию как США, НАТО в целом, а также позицию той же России, то мы не продвинемся ни на шаг вперед в плане понимания того, что происходит, почему так происходит и какие есть возможности для позитивного развития в ближайшем будущем.

Хочу поставить один вопрос. Какой момент, и с чем сравнимый, мы переживаем сегодня в Европе и в мире в целом? Не находимся ли мы в начале витка, или уже в начале главы, которую нужно именовать как Четвертую мировую войну? Третьей была холодная война. Как и в начале Второй мировой войны (тогда предъявили ультиматум Чехословакии, Бенеш отклонил его, нашлись священники, которые одобрили его, и дальше все покатилося по наклонной), был предъявлен ультиматум Милошевичу. Если бы он удовлетворил требования ультиматума, все этим бы кончилось или нет? Что означают эти события в Югославии - конец какого-то этапа в развитии НАТО, или это переход количества в качество, в качестве новой политики США, которая абсолютно не имеет ничего общего с теми принципами, которые записаны в Уставе ООН, в Хельсинкском Заключительном акте, в Парижской хартии, в наших двусторонних договорах, в договорах США с той же Югославией? Если мы не ответим на эти кардинальные вопросы, мы вряд ли сможем найти адекватный ответ на проблемы, которые имеются сейчас в изобилии, и обойти которые каждый в диалоге с самим собой уже не может.

Я, например, считаю абсолютно правильным предположение, гипотезу, давайте назовем ее так, что следствием нападения на Югославию будет распространение оружия массового уничтожения. Американцы заявляли - последний Р.Рейган, - что если бы Япония в 1945 г. обладала ядерным оружием, то США никогда бы не применили свое ядерное оружие против Японии. Они не применяют ядерного оружия против другого ядерного государства в настоящее время. Это слова Рейгана. Логика подсказывает, что если бы Югославия имела средства в ответ на агрессию НАТО для удара по территории агрессора, то едва ли бы НАТО пошла на такого рода акцию.

Последствия могут быть далеко за пределами Европы. Почему, когда мы рассуждаем, мы говорим только о ядерном оружии? Как утверждают ученые, могут быть созданы новые системы оружия на основе других физических, химических и других принципов. Иные утверждают, что такие системы практически уже созданы. И они не регулируются никакими соглашениями, которые до сих пор заключены. Очевидно, что каждое государство будет делать собственные выводы из того, что произошло.

Теперь тема "модель Европы". Мы рассуждаем о "европейской модели", имея в виду модель Западной Европы. Мы забываем, когда и на смену чему пришла эта модель. Мы говорим, что десять лет назад был упущен уникальный шанс. Я утверждаю, что в 1945 г. был упущен уникальный шанс, шанс создать новый мир, новую Европу, где интересы безопасности, социальные, национальные, политические интересы не противостояли бы друг другу антагонистически, а были бы соединимы. Почему этим не воспользовались и почему возникла модель западноевропейской интеграции? Я процитирую Аденауэра и Кеннеди, которые заявили, что европейская модель интеграции - это экономическая база НАТО в Европе. Вот как тогда ставился вопрос. Если мы это забудем, мы не сможем правильно прореагировать сегодня на вызовы, может быть, самые грозные из всего того, что пережила Европа после 1945 г.

Несколько слов о моей позиции по ситуации вокруг Косово. Я ни могу сказать ни единого слова в оправдание Милошевича, в отношении всех тех актов, которые можно рассматривать только как преступление. Но у меня возникает вопрос. Почему НАТО реагирует так в отношении Косово и совершенно иначе в отношении Курдистана? 3 млн. курдов изгнано из Курдистана. Если вы посмотрите снимки того, что делается с детьми, женщинами, стариками в Курдистане, то волосы у вас

встанут дыбом не меньше, чем при виде снимков из Косово. 30 тыс. деревень разрушено в Курдистане. Это немецкие данные. Чем занимается НАТО? Посылает туда оружие, чтобы продолжать эту политику.

Где вы были, когда уничтожали чеченских людей, когда уничтожали русских людей в Чечне? Где вы были, когда была Абхазия? Почему в вас не произошло то, что в вас воспитывали: никогда больше не терпеть преследования людей?

И еще один пункт. Если вы считаете, что нарушение права одной стороной оправдывает нарушение права группой стран, в данном случае НАТО, тогда мы находимся на пути, который ведет либо в никуда, либо к новым тяжелейшим испытаниям. Без единых принципов в отношении всего мирового сообщества, когда права человека должны цениться или не цениться в равной степени безразлично где, в Африке ли, в Азии, в Европе, в Америке, мы ничего более серьезного и лучшего, к сожалению, достичь не сможем. Под этим углом зрения нужно попробовать оценить то, что сейчас совершается.

Я думал, что мы, заключая в 1970 г. Московский договор, совершили прорыв - отказ от насилия как принцип государственной политики до конца века, в XXI веке. К сожалению, я ошибся.

С.А. Караганов. Я испытываю глубокое уважение к г-ну Бару. С тем большим непониманием я воспринял его выступление. Он что, не согласен с чем-либо из того, что я сказал? Хотел бы услышать из его уст: что, моя оценка действий НАТО неправильна? Может быть, неправильна моя оценка того удара, который НАТО нанесла по ОБСЕ? Или моя оценка действий НАТО против ООН? Разве Россия виновата в том, что мы действительно, может быть, уже находимся на пороге Четвертой мировой войны или уж во всяком случае за порогом дестабилизации европейской и

мировой системы безопасности? По-моему, именно мы являемся в настоящий момент той стороной, которая пытается вернуть ситуацию назад. Именно мы настаиваем, чтобы ООН взяла под свой жесткий контроль урегулирование в Югославии. Именно мы настаиваем на прекращении агрессии и прекращении этнических чисток одновременно. Именно мы заявляем о том, что сожалеем о том ударе, который был нанесен ОБСЕ и считаем, что ОБСЕ должна играть центральную роль в европейской политике. Хотя следует признать, что действия НАТО, видимо, сделали это невозможным.

Я полагаю, что сотрудничать нужно. Но сотрудничать нужно на реалистических основах. НАТО грубейшим образом нарушила Основополагающий Акт Россия - НАТО. В тексте этого документа есть, например, положение о том, что ни одна из подписывающих его сторон не предпринимает действий вне зоны своей ответственности, тем более агрессии. НАТО нарушила положения этого договора. Мое мнение, как и мнение большинства экспертов России, заключается в том, что мы сделали ошибку, подписав Основополагающий Акт Россия - НАТО, потому что реального сотрудничества не получилось, а у НАТО возникло ощущение вседозволенности. Я извиняюсь за неприличный термин, но получилось "умиротворение". Сейчас мы будем предпринимать действия, чтобы у наших партнеров улетучилось ощущение безнаказанности и высокомерия.

К сожалению, выясняется, что демократическая форма правления несовершенна. Этой демократической форме правления нужно обеспечить некоторое сдерживание. Россия не собирается нападать со своим ядерным оружием на Европу. Но наши европейские соседи должны знать, что если они прибегают для себя роль агрессора, то к ним и будут относиться как к потенциальному агрессору. Если они от этой роли откажутся, то и мы, естественно,

откажемся от подобного к ним отношения. Это очень конструктивный подход, г-н Бар. Если мы не реализуем этого конструктивного подхода, то Россия упадет в еще большей степени, нежели уже сейчас, в политику безответственности. Мы впади внутри страны в политику безответственности. Мы можем, конечно, впасть в политику безответственности и вовне. Надеюсь, что этого не произойдет. И тогда через несколько лет мы сможем вновь договариваться и думать о том, чтобы строить. Сейчас же мы должны восстановить некоторые правила, чтобы строить. Ибо без правил, которые были нарушены, строить очень сложно.

Я полагаю, что моя речь была целиком направлена на укрепление европейской безопасности, на ликвидацию новой угрозы европейской безопасности, которая заключается в новой доктрине НАТО, и главным образом в тех действиях, которые НАТО предприняла в Югославии. Милошевич не вызывает у меня никакой симпатии. Но даже в том случае, если бы это была не Сербия, мы должны были проводить точно такую же политику.

М.Малек. Я хотел бы сделать два замечания. Во-первых, г-н Бар сказал, что он в ужасе от сообщения г-на Караганова. Я - не в ужасе. Я на это рассчитывал. Я думаю, что его выступление даже достаточно сдержанно и умеренно. Особенно на фоне того, что во многих российских газетах, в том числе и в так называемых демократических, чуть ли не каждый день появляются сценарии, которые доходят до Третьей мировой войны.

Во-вторых, мы здесь обсуждаем НАТО, ее новую концепцию, роль ООН, ОБСЕ и др. Однако я хотел бы обратить внимание уважаемых коллег на судьбу главных жертв нынешней войны на Балканах. И это косовары. Я призываю всех не забывать этого. Война на Балканах началась не 24 марта. Она началась годом раньше.

И еще один момент. НАТО обвиняют в том, что она совершила акт агрессии против Югославии. Возможно, это и так. Однако оценки экспертов по международному праву в этом вопросе не столь однозначны, как, может быть, кое-кто и предполагает. Обращаю Ваше внимание на то, что есть документы, оформляющие права человека. Эти документы были подписаны Югославией. Я думаю, что нельзя оспаривать тот факт, что эти документы о правах человека были грубейшим образом нарушены режимом Белграда.

М.Мюллер. Я являюсь заместителем руководителя фракции СДПГ в германском бундестаге. Когда в прошлом году бундестаг принял основы для военного вмешательства, я это решение не поддержал. Хотел бы однако отметить, что у меня были большие проблемы с моим несогласием. Хотел бы отметить и то, что у вас в России все нарушения прав человека рассматриваются в качестве какой-то очень банальной вещи. Для меня составляющей европейской традиции является также и вопрос о том, каким образом обходиться с националистическими, этническими устремлениями. Того, кто несерьезно занимается серьезной полемикой по этому вопросу, я хотел бы спросить о его возможностях проведения политики, о его представлениях о европейской модели. Это мне, к сожалению, не стало понятно. Даже наоборот. Ваши сценарии катастрофы представляют собой достаточно бессодержательную формальную аргументацию, отнюдь не являющуюся европейской моделью. На фоне изменяющегося мира мы видим, что самая большая опасность заключается в националистических, этнических устремлениях. Хотелось бы знать, каким образом вы хотите обращаться и справляться с этим. Без ответа на этот вопрос дискуссия становится бессодержательной. Нельзя исходить из формального принципа институтов, которые проявили себя недееспособными в последние годы. Вы не можете делать вид, что Косово не имеет предыстории. Кто закрывает глаза

на эту предысторию, тот не учитывает европейских реалий. Конечно, последствия драматические уже потому, что по всему миру мы наблюдаем изменение форм общественного устройства. Повсюду, где нарушаются социальные общественные договоры, мы являемся свидетелями возникновения арбитражного капитализма. Он расцветает и в новой России. Политический вопрос будет заключаться в том, каким образом можно решить вопросы неравномерности, новые вопросы перераспределения. Это те вопросы, ответы на которые требуются от нас, европейцев. И здесь будет принято решение о том, будут ли созданы стабильные политические условия или нет.

И.Ф.Максимычев. Хотел бы остановиться только на одном аспекте рассматриваемой сегодня проблемы. Это проблема состоит в том, что система европейской безопасности возможна только в том случае, если все участники европейского "концерта держав" признают наличие единого пространства безопасности для Европы. К сожалению, НАТО своим существованием разрывает это единое пространство, создавая разные статусы для членов НАТО и не членов НАТО. Г-н Бар справедливо отметил ту перспективу, где европейцы сами занялись бы своими делами и где НАТО как таковая могла бы не присутствовать. Однако до сих пор это не стало реальностью. Это тот рецепт, который предлагает г-н Бар, но пока еще не стало реальностью в политике Западной Европы. С.Караганов говорил о реакции России на войну в Косово. Если Западная Европа изменит свою позицию в соответствии с тем, что предлагает г-н Бар, то Россия также изменит свою позицию по отношению к тому, что происходит. Однако пока изменений в позиции Западной Европы нет в отношении Косова, в отношении поддержания мира и безопасности, прогноз С.Караганова остается в силе.

Н.П.Шмелев. События последнего времени исключительно сильно волнуют всех нас. Однако я боюсь,

что мы забываем о тех глубинных процессах, которые определяют современный мир. Может быть, с моей точки зрения, главная конфликтная проблема того отрезка истории, который мы переживаем, это конфликт между интеграционными силами в мире, во всем их разнообразии, и, для многих неожиданным, резким обострением национализма на рубеже XXI века. Причем национализма по всем направлениям. Я позволю себе назвать то, что сегодня делает Америка, взрывом свирепого американского национализма. На другом полюсе мы можем наблюдать какие-то уже совсем трагикомические вещи вроде корсиканского национализма или требований суверенитета народностей России, которые исчисляются максимум десятком тысяч человек и т.д. Но тем не менее именно это представляет собой главный конфликт. Хотелось бы внести ясность в вопрос о том, что же серьезного, глобального, исторического стоит за тем взрывом политических страстей, с которым мы столкнулись весной этого года.

О.Хан. В качестве продолжения нашей дискуссии я хотел бы высказать один тезис, который состоит в том, что Европейский Союз мало может содействовать урегулированию существующего конфликта. Об этом уже сказал Э.Бар. Это может быть взгляд в весьма отдаленную перспективу, когда мы сможем говорить о единой европейской безопасности. Как известно, Амстердамский договор содержит в зачаточной форме такие возможности. Вопрос состоит в том, что может сделать ЕС после урегулирования конфликта. Здесь я вполне могу увидеть европейскую модель, европейскую модель в виде построения мирного сосуществования на европейском континенте, начиная от экономического сотрудничества, и вплоть до развития социальных взаимосвязей. Мне кажется, что здесь открывается широкое поле деятельности по решению вопросов, связанных с событиями после урегулирования на Балканах. Здесь, конечно, нельзя обойтись без России. Естественно, что те страны, которые

пострадали от конфликта, будут нуждаться в помощи со стороны Европейского Союза в деле окончательного преодоления всех последствий этого конфликта. Четыре года тому назад, еще до возникновения конфликта в Югославии, когда существовала вся Югославия, мы тогда уже обсуждали вопрос о членстве Югославии в ЕС. Милошевич принял тогда другое решение, и мы видим, к чему это привело. Я надеюсь, что он одумается, и, как только прекратится огонь, то начнутся действительно серьезные переговоры о дальнейшем будущем этой страны и других стран.

Через экономическую интеграцию можно приблизить политическое сотрудничество и содействовать демократическому развитию. Экономика и политики всегда шли рука об руку. И то, что ЕС может предоставить в качестве модели, это тот факт, что политические конфликты нужно решать в определенной правовой сфере. Мне кажется, что это существенный вклад, который ЕС внес в решение многих конфликтов на нашем континенте и еще может внести в будущем. Могу сказать, что европейская модель, которая, с моей точки зрения существует, конечно, не идеальна, но она предоставляет всем тем, кто живет на европейском континенте, определенный шанс. И этот шанс я отношу также и к России. Я не говорю о России как о будущем члене Европейского Союза. Для этого в обозримом будущем еще не будет существовать предпосылок. Но я говорю о совершенно четкой цели ЕС, которая была обозначена в последней стратегии, принятой в рамках Европейского Союза и в отношении России, и в отношении Балкан. Эта стратегия нашла свое отражение в определенном документе, который должен быть принят в Кельне. В этом духе мы работаем на перспективу сотрудничества между ЕС и Россией. Думаю, что конфликт на Балканах не приведет к отказу от этой стратегической перспективы. То, что до сих пор было высказано в этой аудитории, это не мнение России. Я это знаю, так как

посещаю различные регионы. Вместе с послом Австрии я был в Татарстане, где услышал совершенно иные вещи, нежели я слышал сегодня. Мне кажется, что в тех мнениях, которые высказываются во всей России, превалирует более позитивное настроение в отношении сотрудничества с Европой, в отличие от того, что мы слышали сегодня здесь.

Ж.Беле. Тема моего выступления - процессы, связанные с глобализацией в экономике, а также с феноменом региональной интеграции и роли наций в этом процессе. Сам термин глобализации несколько расплывчат. Мы не очень четко осознаем, что стоит за этим понятием. Я полагаю, на мировом уровне термину соответствует определенная реальность, вокруг которой во Франции, как и во многих других странах ведутся политические дебаты и экономические дискуссии.

В этой связи я хотел бы отметить две вещи. Во-первых, глобализация не является неким неизбежным феноменом, который должен развиваться спонтанно и всегда в одном направлении. Глобализация зависима от нас. Она зависит от воли людей, от их экономической политики. Во-вторых, феномену глобализации присущи как позитивные, так и отрицательные моменты. Роль государства состоит в том, чтобы ограничивать ее негативные аспекты.

Хотел бы напомнить мысль г-на Кейнса, которую он сформулировал сразу же после Первой мировой войны. "Сколь же интересен период экономического развития для людей, которые жили в 1914 году. Житель Лондона мог, например, по телефону, за чашкой чая заказать самые разные продукты из разных частей мира и надеяться на очень быструю их доставку. В то же самое время он мог рисковать своим благосостоянием в любой точке земного шара. Наконец, он мог найти, если конечно он этого желал, необходимое транспортное средство, достаточно удобное и достаточно дешевое". Я полагаю, что эта фраза свидетельствует о том, что мир достаточно давно знаком с

принципом глобализации. В 1914 году он уже был глобализован примерно в такой же степени, как и сейчас.

У Франции, как, впрочем, и у Германии или Японии, удельный вес экспорта в ВВП был примерно тот же, что и сейчас. То же относится к движению капиталов. Французы и русские хорошо знают детали этого процесса. Движение глобализации было прервано в период, который один известный английский писатель называет "эпохой катастрофы" с 1914 по 1945 годы.

Я полагаю, что глобализация не приносит непосредственно ни мира, ни благосостояния. Она может привести к соперничеству между странами и нарушению равновесия, она может быть даже сопряжена с конфликтами в разных странах. Поэтому в процесс глобализации возможно и необходимо вмешательство, имевшее место в значительном масштабе после обеих мировых войн.

Уже цитированный мною Кейнс писал: "Для того, чтобы система капитализма удержалась, нужно, чтобы рабочий класс получил хотя бы небольшую часть того пирога, которую он сам производит. С другой стороны, нужно, чтобы класс капиталистов, который потребляет большую часть этого пирога, сам также вносил вклад в общее дело, делал инвестиции". Это условие в период с 1914 по 1945 гг. не было осуществлено.

Хотя глобализация отнюдь не всегда была тождественна миру и благоденствию, она приносит определенные преимущества. Опыт Европы после 1945 г. показывает, что международная торговля неуклонно растет точно так же, как и движение капиталов. Я полагаю, что благодаря этому страны Европы могут шире финансировать развитие менее развитых стран. Таким образом, мы имеем ряд преимуществ, связанных с глобализацией.

Однако процесс глобализации может и дестабилизировать экономику и, следовательно, общество. В качестве иллюстрации хотел бы привести два примера. В Европе и в США опасаются, что их общества могут уподобиться своего рода песочным часам: снизу - все более бедный класс трудящихся, вверх - богатые слои продолжают обогащаться. Между тем стабильное общество должно быть похоже на волчок, где верхи и низы гораздо меньше, чем мощный центральный класс. Это то, что европейские общества узнали после 1945 г. Я думаю, что риск социальной поляризации очень значителен для тех обществ, которые в настоящее время являются высокоразвитыми. Известно, что в США за последние 20 лет зарплата 30 процентов беднейших слоев населения уменьшилась. Известен и тот факт, что в Западной Европе безработица для трудящихся слоев увеличилась. Данную поляризацию можно достаточно четко соотнести с динамикой развития международной торговли. Таким образом, возникает вопрос: как мы могли бы ответить на вызов глобализации? Идея, которую я Вам представлю, может быть, не является оригинальной. Она сводится к тому, что экономическая политика играет значительную роль для соотношения позитивных и негативных аспектов глобализации в пользу первых.

Макроэкономическая политика США последних лет проводилась весьма радикально. В то же время те трудности, с которыми сталкивается Европа с начала десятилетия, зависят от плохой экономической политики. Тем не менее прогресс в координации этой политики в Европе, имевший место в течении двух или трех последних лет, позволил обеспечить некоторый рост экономики.

Я думаю, что когда мы говорим о европейской модели или об азиатской модели, всегда нужно помнить, что несмотря на сегодняшние трудности, уже 50 лет эта модель позволяет выйти на большой рост в экономическом аспекте

по сравнению с США. Эта модель предполагает перераспределение в пользу тех социальных категорий, которые в наибольшей степени терпят ущерб из-за международного обмена.

Что же мы должны делать сейчас в Европе? Найти новые способы для того, чтобы перейти к интеграции экономики наиболее отсталых стран. С другой стороны, в национальных рамках многие развитые страны начинают снижать налоги, которые должны платить беднейшие слои населения, чтобы облегчить им доступ на рынок труда.

Каков должен быть оптимальный уровень, на котором должна осуществляться эта экономическая политика? Должен ли это быть уровень национальный или же более высокий, европейский? На мой взгляд, нация играет очень значительную роль и должна продолжать ее играть на уровне национальной экономической политики. Это и понятно, поскольку именно она является законной юридической силой в отношении населения страны. И все же Европа представляет собой уникальный случай, когда были предприняты поиски регулирования на более широком, международном уровне. В таком регулировании на уровне Европы есть определенные успехи – прежде всего создание единой денежной системы. Проблемы остаются в плане согласования того, что из себя должна представлять Европа в социальном отношении. Здесь необходимы новые идеи.

Э.Козл. С самого начала хочу поставить вопрос: существует ли модель социальной защиты, которая была бы характерна для Европы в условиях открытой экономики?

Хотел бы также отметить, что в ходе наших дебатов по проблеме Косово мало упоминалось то экономическое неравенство, которое явилось одной из причин кризиса. Это сказывается и в России (события августа прошлого года). Вывод, который я из всего этого делаю, состоит в

том, что нужно привыкнуть жить в состоянии кризиса. За два последних года мы пережили кредитный кризис в Таиланде, а затем и в других странах ЮВА. Затем был биржевой кризис. Необходимо свыкнуться с полным отсутствием глобальных инстанций, которые могли бы регулировать эти кризисы. Ни МВФ, ни другие международные финансовые организации не были в состоянии предотвратить их. Подобно тому, как не была сформирована убедительная система международной безопасности, отсутствовала также и система финансового регулирования. В обоих случаях решающее вмешательство было осуществлено Соединенными Штатами.

Есть, однако, еще один вывод, который можно сделать на основании имевших место кризисов. Когда национальные правительства оказываются в состоянии кризиса, они должны дать ответ на три электоральных императива: правительство обязательно должно отчитываться перед общественным мнением, перед рынком и перед международными организациями.

Европа была надежно предохранена от кризисов. Более того, на пике каждого кризиса Европа даже имела некоторый рост темпов, затем определенное замедление, наконец, снова подъем. Следует отметить, что интегрированные страны относительно спокойно пережили все спекулятивные удары, в то время как не интегрированные страны, к примеру, Норвегия, были дестабилизированы. Таким образом Европа живет и функционирует как интегрированный район с общей валютой, центральным банком и с исполнительной властью, роль которой становится все более важной.

Важным (двойным) индикатором является уровень и тип безработицы. Второй индикатор - это способ управления системой социального страхования. В Европе есть страны, которые недостаточно эффективно действуют в сфере борьбы с безработицей. К примеру, во Франции

структурная безработица весьма значительна. Есть страны, которые, напротив, очень хорошо справляются с этой проблемой, как, например, Голландия. Модель социальной защиты - это не просто модель перераспределения, модель "разделения риска". Это также модель, которая предполагает политику занятости. Можно выделить группу стран, которые максимизируют участие государства в решении проблемы безработицы (например, предоставление временной работы). Это типично для северных стран. Другие страны предпочитают обеспечивать права семьи, чем регулируют уровень безработицы. Это характерно для Франции и для Германии.

На мой взгляд, определение глобализации достаточно просто. Это мир, в котором люди и территории не двигаются, но где капиталы, компетенция и технологии перемещаются и соревнуются друг с другом на месте.

Важный вопрос состоит в том, можно ли в контексте интегрированной Европы с единой валютой ликвидировать различия в экономическом положении, в фискальной системе, в системе юридических инстанций между различными странами? Есть два возможных решения. До каких пор можно снижать уровень, чтобы на нем констатировать унификацию? Американская модель отдает приоритет частной индивидуальной экономической занятости перед вмешательством государства для социальной защиты. Вторая возможная модель предполагает логику сотрудничества, гармонизации отношений в обществе с участием государства, особенно в фискальной области.

М.Мюллер. Проблема глобализации является в различных формах составной частью нашей истории. Например, колониализм также был своего рода глобализацией. Расширение влияния католической церкви тоже было своего рода глобализацией. Поэтому необходимо задаться вопросом, какой новый характер приобрела

глобализация, с которой мы имеем дело сегодня. Это принципиальный момент. В свое время Кейнс высказал мысль о том, что кризис является не кратким периодическим периодом в развитии экономики, а является выражением мук рождения новой экономики. Он описал это прежде всего на примере изменения технологии базовой экономики. Если сегодня я попытаюсь оценить глобализацию, то, с моей точки зрения, следует сказать: сегодняшняя форма глобализации связана с разрушением любых временных границ. Например, кейнсианская модель социального государства была связана с точной привязкой к временным и территориальным рамкам. Эти рамки разрушаются глобализацией. Первый элемент разрушения состоит в использовании информационных технологий. Мы получаем возможность использовать информацию в любое время и в любой точке земного шара. Мир существует в условиях возрастающего неравенства.

Второй фактор состоит в преобладании коротких сроков, то есть быстрого обесценивания. Это преобладание краткосрочных инвестиций. Сегодня в мире только 5% инвестиционного капитала используется в долгосрочных программах. Тем самым разрушается следующий элемент нашего социального консенсуса, а именно способность экономики работать в тесной связи между производством, торговлей и сотрудничеством. Фактически разрушается то, что раньше создавало стабильность в обществах.

Наконец, третий важный фактор глобализации связан с возникновением культурного сознания, которое представлено высшими слоями средних слоев населения, которые осознают себя как интеллектуальную элиту. Таким образом глобализация - это вызов политике, необходимость создания нового механизма регулирования. Мы не сможем этого сделать, если будем утверждать, что глобализация - это всего лишь небольшое изменение существующего

экономического порядка. Глобализация - это коренное, принципиальное изменение.

Мой тезис состоит в том, что важной реакцией на глобализацию является усиление социальных аспектов, социального вопроса. И, как следствие, возрастающая роль социалистических и социал-демократических партий, которые должны давать новые ответы на изменившуюся ситуацию.

О.Хан. Я считаю, что анализ г-на Мюллера совершенно верен. Хотел бы обратить внимание еще на один элемент. Это реакция наемных работников. Все вопросы, связанные, скажем, с *евро* на европейском уровне обсуждались без участия профсоюзов. То есть то, что раньше осуществлялось на национальном уровне, на европейском уровне не было осуществлено. В этой связи мне хотелось бы напомнить то, что в свое время предлагал О.Лафонтен. Он говорил о необходимости организовать глобальный контроль за потоком финансовых средств в мире. Фактически *евро* - это попытка контролировать поток финансовых средств на европейском уровне. Нельзя добиться этого на мировом уровне. Это же отмечает в своей книге г-н Сорос. Он, в частности, пишет, что на глобальном уровне нельзя организовать борьбу против спекуляций, финансовых махинаций и т.д.

Ю.И.Рубинский. Хотел бы привлечь Ваше внимание к следующему вопросу. С чего началась югославская драма? Да, была вспышка национализма. Но что лежало в ее основе, когда Хорватия и Словения потребовали выхода из федерации? Помимо права наций на самоопределение они ссылались на то, что они более богатые, развитые, более европейские, они были частью Австро-Венгрии. А остальные республики Югославии - бедные (это те же сербы, косовары). Они не желали больше перераспределять свои деньги в пользу последних, «нищих или лентяев», как они говорили. Этот момент присутствует не только в

Югославии, не только в Европе - в Индии можно наблюдать противостояние между более зажиточным Пенджабом, с одной стороны, и южными штатами - с другой.

Европейский Союз представляет нам с этой точки зрения позитивный пример. Богатые страны, та же Германия, опасались, что их жизненный уровень снизится из-за участия более бедных и отсталых стран. Однако получилось наоборот. Уровень жизни в этих странах поднялся, а богатые страны от этого не столь уж и пострадали. Более того, они даже выиграли. Большую роль в этом сыграли аспекты пусть еще не общей социальной, то хотя бы региональной политики. Региональные фонды ЕС сыграли здесь очень большую и благотворную перераспределительную роль.

П.Шульце. Один из важных вопросов состоит в том, обладает ли национальное государство перед лицом информационных и прочих изменений, происходящих во всем мире, способностью адекватно отвечать на изменившуюся ситуацию? В состоянии ли транснациональные или наднациональные институты брать на себя подобные функции, учитывая огромный дефицит общественной и политической легитимности? Мне кажется, что мы должны переосмыслить вопрос о транснациональных институтах. Мы сталкиваемся с проблемой создания нового типа институтов. И здесь как раз начинается интересная дискуссия в Маастрихте и Амстердаме. Речь идет о регионализации транснациональных институтов, создании промежуточных звеньев на европейском уровне. Может быть это в конечном счете решит проблему легитимации транснациональных институтов.

Второй комплекс проблем, которые возникают, связан с тем, что когда мы пытаемся действовать только в рамках институтов, существующих в Европе, мы перегружаем наши европейские институты. В новой Европе мы должны

исходить из раздробленной Европы, имеющей различные уровни. Транснациональные институты должны действовать только там, где национальные институты не в состоянии решить проблем. Однако такая ситуация ничего не меняет в факте необходимости транснационального экономического сотрудничества. В связи с этим важен и вопрос о том, к каким коллизиям может привести ситуация противостояния национальных и транснациональных институтов перед лицом процессов глобализации.

Х.-Й.Шпангер. Мы имеем дело с двумя различными концепциями глобализации. Одна концепция была представлена г-ном Беле, другая - г-ном Мюллером. Г-н Беле, заостряя дискуссию, утверждал: ничего нет нового под солнцем. Г-н Мюллер, в свою очередь заострил дискуссию, приведя тезис: мы имеем дело с принципиально новым процессом.

На мой взгляд, можно увидеть определенную взаимосвязь между процессами интеграции (имеется в виду Европейский Союз) и процессами глобализации. Эта взаимосвязь, является ли она причинно-следственной или нет, может иметь различную природу. С одной стороны, это может быть взаимозависимость параллельно протекающих процессов, которые проходят как в региональном масштабе, то есть в малом масштабе, так и в глобальном масштабе. Однако может быть установлена взаимосвязь и между противоположными процессами развития, когда речь идет о регионализации как процессе, противостоящем процессу глобализации.

Я думаю, что суть состоит в том, чтобы в ходе процесса глобализации выйти за рамки границ, но не только как в рамках процесса интернационализации, и не только совершая открытия их, как в рамках процесса либерализации. Все это являлось бы условиями конкуренции территорий, но эти факторы становятся абсолютно наглядными, чтобы экономика освободилась от

своей территориальной привязки, для того, чтобы она освободилась от государства и чтобы были преодолены границы. Я думаю, что это является сущностью того, что сейчас в аналитическом плане понимается под процессом глобализации. То есть это та концепция, в рамках которой речь идет об окончательной победе рынка над государством, когда действиям государства ставятся ограничения как в социальной, так и в экономической политике, как во внешней, так и во внутренней политике. Интеграция в мировой рынок, интеграция капиталов, многонациональное сотрудничество - все это лишает государство рычагов воздействия на торговлю. Государственный суверенитет все больше сводится к переговорному ресурсу, который подчас теряется в рамках наднациональных договоренностей.

В этом плане Европейский Союз не является чем-либо иным, как выражением процесса глобализации. Это своего рода реакция европейских национальных государств на экономический процесс, в рамках которого они не имеют права голоса.

Хотел бы отметить еще один пункт. Степень мобильности трудовых ресурсов перед Первой мировой войной была столь же высокой, как и сегодня, за исключением, может быть, крайне динамичного развития на фондовом рынке в последние 50 лет.

То, что происходит из цикличного развития, то, что стало следствием экономического кризиса - это фрагментированная экономика. Бывшая до Первой мировой войны интегрированная мировая экономика разделилась на экономические блоки. Всемирный экономический порядок, который был порожден в 1945 г. в Бреттон-Вудсе по рецепту Дж. Кейнса, был в высокой степени регулируемой экономикой. Нам требуется определенная степень дерегулирования по сравнению с тем, что сегодня напоминает нам ситуацию до Первой мировой войны и

первого всемирного кризиса. Это таит в себе опасность того, что мы будем иметь обратную динамику развития.

Еще одно возражение против парадигмы глобализации имеет концептуальный характер. Мы имеем дело с двумя различными принципами организации человеческого сожительства, перенося это на экономику и государственный уровень. Государство нуждается в границах, а рынок преодолевает границы. Решающим при этом является то, каким образом государство и рынок вступают в отношения друг с другом.

И здесь история породила различные формы взаимодействия. С одной стороны, это формы с акцентом на рынок в рамках либеральных теорий. В рамках другого акцента подчеркивалась роль государства в формировании националистического меркантилизма. Рынок использует такие инструменты, как цена, договор. У государства речь идет о территориальной эксклюзивности с основополагающим принципом лояльности данному государству. Оба подхода в короткий исторический период проявились как самые эффективные формы организации господства и создания благосостояния. Все попытки заменить один из подходов другим продемонстрировали свою несостоятельность.

Третий пункт, который делает относительной концепцию глобализации, это позиция, связанная с государственными квотами, с государственным потреблением. Доля, которую потребляет государство или которую распределяет государство от ВВП среди государств ОЭСР, составляет около 50%, и проявляет тенденцию к снижению. То есть четверть ВВП государство потребляет само, а четверть распределяет. Есть и другая взаимосвязь. Два государства, например, США и Япония, имеют значительно более низкий уровень государственной квоты, составляющий от 20 до 30 %. Но это же одновременно и те государства, которые имеют самую

низкую квоту внешней торговли. В то же время европейские государства имеют как высокую долю внешней торговли (по крайней мере до момента введения единой валюты, когда европейская торговля стала внутренней торговлей европейских государств), так и высокую квоту государства. Отсюда можно вывести тезис о том, что государство выполняет необходимую охранную функцию в рамках таких экономик в государствах, которые открыты внешнему миру по сравнению с теми закрытыми государствами, коиными являются рынки и экономики США и Японии.

Наконец, четвертый пункт состоит в том, что мы наблюдаем большое количество региональных аспектов в экономическом развитии. Особенно в рамках ЕС в значительно более высокой степени, чем в Азии или НАФТА. Межрегиональная торговля Европейского Союза развивается в объеме от 60 до 65 % внешней торговли членов ЕС, межрегиональная инвестиционная активность демонстрирует тенденцию к росту и составляет порядка 50%. Исходя из этого факта мы можем сделать вывод, что процесс экономической интеграции следует поддержать посредством политических мероприятий. Валютный союз стал, к примеру, в меньшей степени экономическим проектом, а в гораздо большей степени - политическим.

Государство преследует в рамках валютной политики три цели. Во-первых, это цель национальной автономии для отстаивания национальных целей за счет реализации денежной политики. Во-вторых, за счет обеспечения движения капиталов и конвертируемости валют обеспечить возможность международного торгового обмена. В-третьих, это касается обменных курсов, речь идет о конвертируемости валюты, о том, чтобы обеспечить этой конвертируемости наиболее стабильное состояние.

Эти три цели реализуются таким образом, что только две из них могут систематически проводиться и отслеживаться. Это принципиальная проблема, не имеющая

ничего общего с глобализацией. К примеру, "золотой стандарт", обеспеченный в свое время Великобританией, имел максимум международных капиталов, максимум стабильности, оценка предпринималась в отношении стабильности цены на золото, но также и в рамках государственной стабильности, в рамках государственной автономии в пределах данной политики. Бреттон-Вудс хотел произвести полную ревизию данного процесса в смысле экономики благосостояния и ввести значительно большую степень национальной автономии для экономической политики. Одновременно с этим были институционализированы стабильные обменные курсы. Это было достигнуто за счет того, что было ограничено движение капиталов.

Валютный союз в европейском масштабе является лучшим примером того, что за счет отказа от различных валют был устранен риск валютных колебаний, была оптимизирована конвертируемость валют, потому что существует только одна валюта, и движение капиталов в ЕС было максимально либерализовано. Таким образом была ограничена автономия национальных экономических политик. Денежная политика регулируется и осуществляется Европейским центральным банком. Фискальная политика подлежит ограничениям "Пакта стабильности".

Еще одна грань этого процесса - это гегемония американского доллара в современной системе обменных курсов. Эта гегемония оказалась, естественно, разрушительное воздействие на европейскую систему. Достаточно очевидно, что для американцев прежде всего речь шла о давлении, с одной стороны, на немецкую, а с другой - на французскую политику. Это привело к тому, что европейцы, в смысле самоутверждения, попытались ограничить влияние доллара США на мировую финансовую систему. Таким образом *евро* среди прочего является также

элементом европейского самоутверждения. *Евро* является элементом самоутверждения в той мере, в какой мы рассматриваем не столько даже проблемы глобализации, сколько геоэкономические процессы. С этой точки зрения нужно рассматривать и значение, и риски, связанные с *евро*. Шанс заключается в том, что впервые с 30-х гг. была создана определенная симметрия между двумя полюсами, или, если привлечь еще одного партнера, то между тремя полюсами мировой экономической системы. Раньше такой симметрии по отношению к доллару не наблюдалось. Такие двух- или трехсторонние отношения урегулировать значительно проще, чем многостороннюю систему со свободными обменными курсами. В этом состоит шанс. Но он может быть реализован только в том случае, если США поймут это и смирятся с тем, что гегемонизм их валюты поставлен под сомнение и ему фактически пришел конец.

За последние годы на примере отношений между долларом и йеной мы видели все те негативные последствия, которые могут иметь такие сложные взаимоотношения для других азиатских валют.

Еще один риск состоит в том, что европейцы сегодня проводят такую же политику по отношению к другим странам, как в свое время проводили США в отношении к своему доллару касательно других стран. Это касается, например, курса *евро* по отношению к другим валютам. Одновременно мы видим некоторое падение *евро* по отношению к доллару. И создается такое впечатление, что Европейский центральный банк слишком спокойно смотрит на это.

Здесь есть и проблема задолженности. Де Голль говорил в свое время, что задолженность не страшна, если она создается за счет долгов других. Однако сегодня задолженность составляет около 3 млрд. долларов и 3-4% от ВВП, и в рамках МВФ высокий уровень задолженности привел в свое время к азиатскому экономическому кризису.

Поэтому уже сегодня необходимо думать над этой проблемой, особенно учитывая тот факт, что конъюнктура в США может, как мне кажется, уже в конце этого года пойти на спад, и эта задолженность может возрасти. Что касается экономической конъюнктуры США и в конечном итоге привлекательности парадигм глобализации как своего рода продолжения американской экономической модели во всемирном масштабе, кажется, что такое утверждение просто является большим мыльным пузырем, который может лопнуть и привести серьезному экономическому кризису. И единственное преимущество, которое станут тогда иметь европейцы перед США, будет состоять в том, что, имея в руках *евро*, они не только установят уровень внешней зависимости, но и будут обладать определенным экономическим оружием для того, чтобы более энергично и интенсивно защищаться от этого кризиса.

Э.Кэпн. Есть несколько моментов, которые я бы хотел дополнительно прояснить. Во-первых, с основанием Европейского Союза, с созданием зоны *евро* уменьшилась зависимость от другой части мира. Региональная интеграция - это политика, которая позволяет уменьшить зависимость европейцев от других частей света.

Второе замечание. С точки зрения нашей, европейской организации есть три больших достижения. Сегодня мы имеем дело с примечательной ситуацией - даем, например, Ирландии большие преимущества, что позволяет ей совершать фискальный демпинг, поощрять свое развитие за счет налоговой политики, наверстывая отставание от других, более развитых стран ЕС.

И последний элемент. Глобализация - это не интернационализация торговли и обмена, это не просто движение потоков капиталов. Это и многие другие аспекты - оптимизация размещения производительных сил, обустройство территории, например, расширение сети крупных отелей. Необходимо каждый раз уточнять, что

имеется в виду, когда речь идет о глобализации, в чем ее влияние, скажем, на интеграцию, на развитие технологий, каково влияние на национальную стратегию в вопросах занятости и т.д. Следовательно, к какой бы стороны мы ни подошли бы к проблеме, мы возвращаемся к одному и тому же: каковы степени свободы национальных правительств в эпоху глобализации и региональной интеграции. К примеру, такие государства, как Германия и Франция, предоставляющие примерно половину своих богатств на перераспределение, располагают большими возможностями для решения этих проблем.

В.П.Гутник. Мне хотелось бы вернуться к основной теме нашей конференции, которая названа “Европейская модель на пороге XXI века” и увязать ее с трансформационными процессами в России. Проблема специфики европейской модели социально-экономического развития оказалась исключительно сложной. Одним из фундаментальных аспектов изучения данной проблемы является вопрос: существует ли европейская модель как нечто единое, или в Европе мы наблюдаем, может быть, гармоничное, но все же сочетание различных моделей, характерных для отдельных европейских стран. Вопрос этот для России носит не только теоретический характер. Он имеет большое прикладное значение, поскольку последние годы идет дискуссия о том, должна ли Россия ориентироваться на уже готовый образец рыночной экономики или развивать свою собственную, исключительную модель. При этом самым популярным высказыванием на протяжении по крайней мере последних шести лет является тезис о том, что Россия должна идти по пути рыночных реформ, но создавать социально ориентированную рыночную экономику.

При этом, как мне кажется, во-первых, не имеется никакой концепции, или программы, социального рыночного хозяйства, либо представляется, что это нечто

само собой разумеющееся, и здесь нечего, собственно говоря, обосновывать. Во-вторых, не делается никакого сравнительного анализа с другими моделями. Как в свое время мы критиковали рыночную экономику, исходя из тезисов I отдела I тома “Капитала” К.Маркса, точно также теперь мы выступаем за социальную рыночную экономику, исходя в основном из книги Л.Эрхарда “Благосостояние для всех”, книги хорошей, но которой уже исполнилось 40 лет.

Есть еще одна проблема. Как вы помните, модель рыночных реформ первые годы, особенно во время гайдаровского правительства, проходила под большим влиянием американских экспертов. Попытки европеизировать процесс реформ наталкивался на очень большое сопротивление и со стороны нашего правительства, и со стороны многочисленных экспертов. При этом одним из аргументов был следующий: зачем ориентироваться на модель экономики, не являющейся лидирующей в мире? Поэтому сейчас возникает вопрос: следует ли ориентироваться на модель социального рыночного хозяйства в немецком или в средневропейском варианте, чтобы выработать российский модель нового хозяйственного и социального порядка. На мой взгляд (эту точку зрения разделяют и большинство исследователей в нашем институте /ИМЭМО/, Россия сейчас будет вынуждена сделать выбор в пользу Европы, выбор в пользу приоритетных отношений с Европой, с перспективой все более тесной интеграции в европейское политическое и экономическое пространство.

Сближение с Европой требует, чтобы хозяйственные системы не были чрезмерно разнородными. Таким образом, перед нами становится проблема создания такого хозяйственного, социального и общественного порядка, который в максимальной степени содействовал бы сближению с Европой, прежде всего с ЕС. В этом направлении делается сейчас очень мало. Наряду с тем, что

все политики провозглашают необходимость создания социального рыночного хозяйства, те же самые политики в подавляющем большинстве своем крайне негативно относятся к долгосрочной стратегии реформирования российской экономики и создания нового хозяйственного порядка. А без стратегии, путем тактической политики стабилизации выбор модели невозможен. Финансовая, социальная стабилизация в обществе становится целью самой в себе и имеет абсолютный приоритет на всех этапах экономической политики в процессе реформирования. В результате в хозяйственной системе возникла смесь разнородных элементов, не складывающихся в то, что в Германии называется "хозяйственный порядок". Иными словами, пока нет основополагающего решения о выборе хозяйственного порядка и в общем-то не ясно, какая же модель выбрана Россией. Спонтанное же вырастание этой модели обречено на неудачу. "Варяжский вариант", когда происходит насаждение элементов социального и хозяйственного порядка, уже продемонстрировал свою несостоятельность. Поэтому остается только вариант внутреннего насаждения такого хозяйственного порядка.

Как это ни печально, но свободное конкурентное рыночное хозяйство в условиях системной трансформации не возможно без резкой активизации роли государства. Однако это не значит, что надо просто выдвигать лозунг "больше государства". Вопрос, как говорил еще Ф.Хайек, не в количестве государства, а в виде государственного вмешательства.

Государство должно осознать свою трансформирующую роль. До сих пор господствует твердое убеждение, что государство должно играть прежде всего стабилизирующую роль. Это было характерно для всего периода правительства Черномырдина, в значительной степени для правительства Кириенко, не говоря уже о правительстве Примакова, где это было краеугольным

камнем всей экономической политики. Одновременно государство должно иметь достаточно политической воли, сил и средств для реализации созидательных задач трансформации. Если нет конкуренции (а рынок в России, несомненно, еще не сложился), которая могла бы порождать конкурентные эффективные цены, государство должно как бы искусственно создавать эти конкурентные отношения и ставить производителя в такие условия, которые при развитом рынке имеются и без вмешательства государства. Следующим условием должно быть установление очень четких правил игры и жесткого контроля за их соблюдением. Причем в отличие от вариантов усиления роли государства, речь идет не о том, чтобы государство вмешивалось в хозяйственный процесс, а о том, чтобы государство полностью отказалось от вмешательства в хозяйственные процессы, оперативную хозяйственную деятельность, а сосредоточилось на формировании именно рамочных условий и правил хозяйственного поведения.

Если кто-то предполагает, что в результате рухнет наша экономика, то по этому поводу можно поспорить, поскольку все попытки последних правительств регулировать хозяйственные процессы путем целевого финансирования, путем установления определенных параметров для конкретных отраслей и предприятий оборачивались полным невыполнением этих решений. Угольная отрасль является самым ярким примером такого регулирования.

В связи с этим возникает, конечно, вопрос, не приведет ли такое развитие, имеющее самые благие цели, к ситуации, когда возникнет реальная угроза демократии и государство просто трансформируется в авторитарный, а может быть, и тоталитарный режим. То есть будет ли желание формирования активного социального и хозяйственного порядка в стране защищено от тоталитарных тенденций,

неизбежно сопутствующих этому процессу. Честно говоря, такая опасность не исключена.

Однако не менее реальна опасность тоталитарного перерождения нынешнего государства в условиях, когда такая политика проводиться не будет. В этой связи хотел бы привести слова, написанные еще 50 лет назад выдающимся немецким юристом Ф.Бемом: "Да, - писал он, - государственное вмешательство в формирование порядка искажает рынок. Но если конкуренция отсутствует или масштабы ее недостаточны, а государство доверится естественному, спонтанному развитию, то власть сосредоточится у отдельных лиц, обладающих крупным богатством, способных самостоятельно осуществлять интервенции и оказывать чрезмерное влияние на формирование такого порядка. В результате в обществе происходит "дикая феодализация". Причем государство может и не скатиться при этом к тоталитарному или диктаторскому типу. Напротив, сложится слабое, во все вмешивающееся государство, которое станет игрушкой в руках противоборствующих организованных групп интересов, ручное государство с необычайно хорошими социальными намерениями, использующим однако для выполнения этих намерений трубу, в которую можно дуть, как хочешь, без всякой надежды на то, что она произведет именно ту мелодию, которую ты хочешь на ней сыграть".

Увы, такой подход, к сожалению, может реализоваться и у нас. Мы видим, что влияние олигархов на государство становится большей опасностью, чем влияние государства на экономику. Возникает, однако, еще одна проблема. Даже если мы выбираем европейскую модель как образец и будем формировать российский вариант социального рыночного хозяйства, то мы можем столкнуться с большими трудностями именно потому, что европейская экономическая модель в той старой форме, которую мы знаем, переживает кризис. Мои германские коллеги

постоянно предостерегают: не берите германскую модель за образец, ибо вы попадете в тот же кризис, в ту же ловушку чрезмерно социализированного государства, в которую попали мы. Требуется слишком много денег, чтобы выполнять все функции, характерные для социального рыночного государства. И действительно, данная модель подлежит реформированию. Парадоксальным образом процесс модернизации социального рыночного хозяйства приходится на время правления социал-демократов.

Таким образом, для России возникает проблема, формировать ли эту российскую модель социально ориентированной рыночной экономики, в том числе и модель социальной политики, руководствуясь уходящими в прошлое принципами "социального рыночного хозяйства по Бисмарку, Эрхарду, Шиллеру", или же сразу параллельно с новыми поисками новой экономической и социальной модели в Европе исходить из тех вызовов, которые нам диктуют в том числе и процессы глобализации, и необходимость новой экономической, финансовой и социальной архитектуры во всем мире.

Какой же вывод можно сделать? Вывод в пользу какого-либо решения сделать практически невозможно. Но ясно одно: без долговременной стратегии, ориентированной на определенную модель, мы останемся с политической перманентной стабилизации еще на многие годы. Думаю, что, к сожалению, остаются нерешенными еще два вопроса. Во-первых, это вопрос о том, может ли российская политика отказать от своих кратковременных интересов, реагируя на форсмажорные обстоятельства. Для этого нужно правительство, которое бы осознало, что необходимо отказаться от приоритета тактического решения задач, как бы рискованно это ни было накануне выборов и т.п. Во-вторых, это вопрос о том, на какие социальные силы в обществе может опираться это правительство при проведении такой политики. У меня твердое убеждение в

том, что правительство само должно искать те силы, на которые оно сможет опереться.

В.Б.Белов. Я хотел бы вступить в полемику с г-ном Гутником относительно его вопроса, насколько можно говорить о европейской экономической модели на пороге XXI века. Можно говорить о двух моделях. Первая - это модель на уровне национальных государств. Вторая - это формирующаяся наднациональная модель. В принципе, если мы говорим о модели, то мы имеем в виду некий механизм, который позволяет наиболее оптимально совмещать две вещи. С одной стороны, объективные рыночные процессы, а с другой - такое регулирование этих рыночных процессов, которое позволяет получить наилучший результат. На мой взгляд, формирование политики хозяйственного порядка - это заслуга европейской экономической мысли, в том числе и в Германии. Американская модель формировалась в значительной степени под влиянием европейских школ. Речь идет о том, насколько оптимально современное государство может использовать инструментарий по регулированию рынка. Это вопрос создания оптимальных условий для формирования и функционирования эффективного собственника, создания таких рамочных условий, которые позволяют этим собственникам стать эффективными и, что хотелось бы подчеркнуть, получать максимально возможную прибыль в среднесрочной и долгосрочной перспективе. То есть посредством перераспределения, фискальной политики можно получать те средства, которые позволяют государству выполнять свои функции.

Поэтому, как мне представляется, в Европе существует определенная тенденция, в том числе на уровне государств. Ни одна из существующих моделей не является постоянной, они развиваются. Это совмещение двух основополагающих понятий - эффективного собственника и эффективного государства. Критика В.Гутника в адрес России - это

критика отсутствия эффективного государства, это критика отсутствия эффективного правительства и т.д. Я утверждаю, что есть объективный инструментарий - денежно-кредитный, фискальный, структурная политика, региональная политика - которым, как в хорошем или плохом оркестре, можно по-разному пользоваться. На мой взгляд, в Европе предпринимается уникальная попытка использовать наиболее эффективный опыт разных стран на наднациональном уровне.

Я согласен с утверждением г-на Шпангера о том, что в этом плане мы должны уже говорить об эффективности наднационального регулирования и его своевременности. Согласен также и с тем, что введение *евро* было преждевременным шагом, который был обусловлен политически. Однако фактически это было правильное решение, потому что оно полностью открывает в перспективе рынки труда, капитала, услуг. Соответственно, будет идти структурная перестройка европейской экономики в целом. Таким образом на пороге XXI века у Европы есть шанс создать эффективную европейскую экономическую модель с использованием основополагающих принципов политики хозяйственного порядка, содействующих развитию наиболее благоприятных условий функционирования эффективных собственников, эффективного перераспределения того вновь создаваемого богатства, которое возможно произвести при совмещении существующих в Европе сравнительных преимуществ.

Хотел бы также подчеркнуть, что социал-демократические идеи, в том числе те, которые получили развитие благодаря идеологическому противостоянию с бывшей командно-административной системой, положительно повлияли на формирование определенных социальных принципов.

М.Мюллер. Я хотел бы подчеркнуть, что когда мы говорим о социальной рыночной экономике, мы должны четко представлять себе, что мы понимаем под этим. Л.Эрхард высказывался резко против свободной рыночной экономики. Он всегда расценивал позицию экономического либерализма как ошибочную. Основные элементы его позиции заключались в следующем: первое - экономика всего дома в целом, экономика не должна сводиться к экономическим интересам самой фирмы. Второе - экономика может стабильно функционировать лишь в условиях минимального равновесия между профсоюзами и представителями капитала (между трудом и капиталом). Третье - рыночная экономика функционирует лишь в условиях, когда имеется действенная конкуренция.

Все эти три условия сегодня по-прежнему актуальны. В социальной рыночной экономике существуют еще два других важных элемента. Это экологическая проблематика, что является новым моментом. Л.Эрхард впервые написал об экологии лишь в 1971 г., да и то в недостаточном виде. Экология является чем-то отличным по сравнению с качественным ростом. Экология по сути означает политическую ответственность за качественный подход, за процесс экономического роста. И второе, что Л.Эрхард не мог рассмотреть. Это вопрос о том, что в современном обществе факторы размещения производства теряют свое значение. Напротив, большее значение приобретают факторы, не зависящие от размещения производства. Однако от фактора размещения производства зависит вопрос заключения договоренности между трудом и капиталом. Сюда же бы я добавил международные изменения, особенно те, которые произошли вследствие первого нефтяного кризиса, изменения в движении капиталов, интеграция валютных рынков.

Иными словами, Л.Эрхард по-прежнему сохраняет свою актуальность и правильность. Но было бы

недостаточно взять на вооружение лишь теорию Л.Эрхарда. Эта была бы слишком близорукая политики, особенно учитывая те изменения, о которых я сейчас говорил. Поэтому современная экономическая политика, ориентированная на конкуренцию, социальную ответственность и экологизм, должна учитывать прежде всего три фактора. Во-первых, необходимо в большей степени стабилизировать региональные рынки. Необходимо не только европейский валютный союз. Необходима также скоординированная политика в области занятости, экономики в целом. Это следующий этап ЕС для того, чтобы обеспечить дальнейшее развитие этого процесса.

Во-вторых, необходима новая модель выравнивания интересов. В ФРГ этот вопрос рассматривается как вопрос непрерывного устойчивого развития. То есть вовлечения социальных, экономических и экологических факторов в рамках сбалансированной модели управления.

В-третьих, вопрос одностороннего ориентирования развития производства на фактор труда и закрепление массовой безработицы. Надо сделать это понятие также относительным. Может быть, необходимо использовать и другие производственные факторы. Необходимо ставить эти факторы в центр мирового экономического порядка. Речь идет об использовании материалов, энергии в качестве альтернативы одностороннему снижению расходов только по позиции рабочей силы.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что Россия и другие страны бывшего СССР не имеют никакого шанса, если они будут ориентироваться исключительно на либералистскую модель. Напряжение будет настолько велико, что вы просто не выдержите подобного развития. Идея баланса лежит в основе социальной рыночной экономики. Примечательно, что такие люди, как Р.Дарендорф, один из главных критиков социал-демократии в 80-е гг., сегодня пишет о том, что социал-демократия была

тем не менее права, говорит о ренессансе социал-демократической модели, то есть социально направляемой экономики.

П.Шульце. Я хотел бы отметить и тот факт, что наша модель возникла в очень хороших условиях после 1949 г., когда у нас было очень ограниченное число экономик, которые в тех тяжелых условиях практически не конкурировали друг с другом и не имели угрозы извне. Мне кажется, что Россия, другие трансформационные страны, попросту говоря, освободились в не очень удачный момент, когда отсутствовало такое единство в настроениях, когда началась глобализация и интернационализация финансовых рынков. Сегодняшняя ситуация для трансформации довольно-таки невыгодна.

Что касается выступления В.Гутника, то в этой связи я хотел бы высказать, может быть, несколько провокационный тезис: отсутствие государства до определенного этапа было, очевидно, хорошей предпосылкой для динамизации экономики после распада советской системы. Однако теперь этот положительный фактор закончил свое воздействие, необходимо переходить к другому.

Э.Бар. Лично у меня сложилось впечатление, что в 1991 г., когда Россия одновременно пыталась создать новую хозяйственную систему, новую демократию, новую правовую систему, наконец, новый политический стиль, то это попросту невозможно было делать одновременно, потому что люди не выдержат этого. Это может привести только к самым что ни на есть ужасным последствиям. И вот сегодня я слышу очень умные объяснения, почему же результат не был достигнут, почему не удалось реализовать все, что было намечено. С другой стороны, я слышу, что Россия достаточно умна, мудра, сильна и должна искать свой собственный путь, а мы, в свою очередь, может быть

даже чему-нибудь и научимся. Таково мое личное и достаточно субъективное впечатление.

Вышая идея мудрости Л.Эрхарда была сформулирована таким образом, что ее поняли даже такие профаны /идиоты/, как я: "благосостояние для всех". И теперь у меня такое впечатление, что мы сегодня живем в такое время, когда машинам для того, чтобы производить все больше, требуется все меньше людей. И я не знаю ответа социал-демократии на такую ситуацию. У меня возникает такое ощущение, что мы находимся в начале дискуссии о ценностях - для чего мы, люди, живем? Интернационализм, или, говоря современным языком, глобализация, - это прекрасно. Невозможно, однако, сказать, что успех в конечном итоге сведется лишь к материальным прибылям. Где же лежит социал-демократический ответ на глобальные социально-экономические процессы с перспективой на следующий век? Как должна звучать новая формула, понятная такому профану, как я? Здесь я хотел бы, конечно, послушать российские советы и рекомендации. Если мы не найдем ответ на этот вопрос, то это будет означать конец смысла социал-демократии. Для чего же мы тогда существуем, если мы не найдем ответ, который отличал бы нас от чистых рыночников или консерваторов?

О.Шрайнер. Я не думаю, что сегодня можно говорить о европейской модели, которую без проблем можно было бы перенести на Россию. Это бессмысленно. В рамках ЕС у нас есть совершенно разные проявления в различных сферах. И это, может быть, хорошо. Это многообразие в рамках единого Европейского Союза. Я хотел бы сформулировать несколько другой подход. Не удастся убедить европейцев пойти американским путем. Американцы платят слишком высокую цену за свой путь. В Америке 3% трудоспособного населения находятся в тюрьме. Такими средствами тоже можно сократить

безработицу. Фактически тюрьмы в Америке - это инструмент борьбы с безработицей. И это также связано с насилием, присущим американскому обществу, с отторжением части людей из сферы социального обеспечения. В Америке, например, 40% людей полностью отключены или подключены лишь с большими ограничениями к системе здравоохранения. Американская модель не может быть принята в соответствии с европейской традицией.

Это можно проиллюстрировать и другим примером. До конца 90-х гг. в ЕС мы имели политический гегемонизм консервативных и либеральных партий. В конце 90-х гг. практически все консервативные и либеральные правительства были переизбраны. У нас сложилась совершенно иная ситуация. Либеральные и консервативные партии не видели себя связанными обязательством, сформулированным еще в начале послевоенного периода из противостояния с социалистическими системами. В тот период необходимо было показать социалистическим странам, что на Западе возможно не только более эффективно работать, но и социальная сфера может быть более эффективной, чем в соцстранах. Такое противостояние было устранено вместе с крахом социалистической системы. Вывод, который сделали консервативные силы, заключался в том, что теперь, после краха социализма, можно полностью отказаться от социального элемента в нашей экономике. Политическим ответом на отказ от социальной составляющей экономики стало полное выметение консервативных и либеральных партий из правительственных структур. Очевидным общим принципом является следующий: люди не хотят возвращаться к фундаментализму рыночной экономики манчестерского типа. Они хотят иметь и социальный компонент, и рыночную экономику.

Здесь я подошел к очень важному моменту. Центральный аспект социал-демократии состоит в социальной спайке общества. Люди не хотят иметь общество, которое формирует человека. Формирующее общество - это общество, которое оказывает насилие над человеком. Фактически именно это мы имеем в США. Нечто подобное было несколько лет назад и во Франции, где горели дома и автомобили, потому что безработная молодежь поджигала их, выражая тем самым агрессию по отношению к формирующему обществу. Наш проект - это социальное общество. Вывод из германской истории прост. Чем больше социальная несправедливость, тем нестабильнее демократическая система. Социальное отторжение, социальная изоляция - это мать войн и преступности. Социальная справедливость, свободный выбор труда, солидарное общество, реализация личности - это ядро социал-демократической идентичности.

Можно ли все проблемы, связанные с глобализацией, решить в рамках национального государства? На мой взгляд, национальные государства могут лишь частично решить эти проблемы. 90% всех товаров, производимых в ЕС, обмениваются опять-таки внутри Союза. То есть у нас очень большой рынок внутри Европейского Союза. С 1992 г. у нас есть европейский внутренний рынок. У нас есть также валютный и финансовый союз.

Если многие вопросы на национальном уровне невозможно решать, то где же транснациональные механизмы, которые могут урегулировать эти вопросы? На европейском уровне нам нужна скоординированная экономическая и финансовая политика, так же, как и скоординированная денежная политика. Денежная политика существует не только для того, чтобы обеспечить надежность валют, но и создать твердую занятость. На европейском уровне нам необходимо предпринять меры по регулированию обеспечения надежных норм экологических

стандартов, найма рабочей силы и т.д. Это очень важный элемент. Ведь мы имеем дело с очень разными народными хозяйствами. Производительность труда в Португалии примерно соответствует производительности труда в Восточной Германии. То есть производительность восточногерманского хозяйства достигает 60% производительности западногерманского хозяйства.

Возникает вопрос: как же в таких условиях создать одинаковые социальные стандарты? Есть два варианта ответа. Первый - это выравнивание на более низком уровне. Это означает то, что в Западной Германии социальный стандарт должен быть понижен. Это невозможно реализовать в Германии. Второй ответ - гармонизация на высшем уровне. Это означает, что португальская экономика была бы тогда неконкурентоспособна, что также не может быть приемлемым решением. Поэтому есть следующий ответ. Мы должны создать определенный коридор в ЕС. Чем более развита какая-либо экономика, тем относительно более высокий уровень социального продукта, который используется на социальные сферы. У нас есть высоко-, средне- и низкоразвитые страны. Это один из возможных ответов, который создал бы новый элемент регулирования в рамках ЕС.

Что касается России, то совершенно ясно, что с учетом российской производительности труда социальные стандарты не могут быть на уровне европейских. Очевидно, что есть определенная взаимосвязь между развитием экономики, с одной стороны, и той долей средств, которая выделяется на социальную сферу. Это необходимо учитывать в России.

Наконец, еще один пункт. Глобализация и европеизация ведут к тому, что в рамках массового производства мы сегодня уже неконкурентоспособны, потому что простые товары могут производиться в других странах более дешево. Мы стоим перед необходимостью

того, чтобы высокоразвитые страны производили все более сложное и высокотехнологичное оборудование.

Необходимо учитывать, что социальная политика - это не распределение средств. Социальная политика - это прежде всего предоставление людям шанса найти работу. В Германии мы, социал-демократы, разработали специальные программы для повышения квалификации прежде всего среди молодежи. Социальное государство - это не только в первую очередь попытка выразить социальный элемент через пассивное распределение денег в бюджете. Этот элемент следует выразить прежде всего в той форме, в какой государству удастся создать для всех своих граждан возможность получить квалифицированную, высокооплачиваемую и качественную работу. Мы хотим добиться и организовать конкуренцию внутри ЕС по вопросу того, какой стране удастся как можно быстрее и эффективнее снизить безработицу. На основе этого мы хотим провести в рамках ЕС обмен опытом. Хотелось бы внедрить в эту систему определенные механизмы контроля, подобно тому, как это было сделано в рамках финансовой политики. В Маастрихте были названы т.н. "критерии стабилизации". Они послужили фундаментом для более позднего введения единой европейской валюты.

Я хотел бы подчеркнуть, что нет готовой модели, которую можно было бы предложить России в этом качестве. Россия должна разработать собственную модель с учетом своего собственного развития и истории. То, что могут предложить европейские страны, это консультационные услуги.

М.Мюллер. Я являюсь не только председателем самой старой немецкоговорящей экологической организации, но и являюсь членом материнской организации, включающей в себя 108 организаций, 4,5 млн. членов. Это значительно больше, чем все партии ФРГ вместе взятые.

Социал-демократию можно определить по трем основным моментам. Во-первых, это весь комплекс вопросов, связанных с социальной справедливостью. Второй основной пункт в определении социал-демократической политики - это вопрос эмансипации и демократии. Социальное государство не может быть отделено от эмансипации людей. И третий важнейший пункт - это вопрос о модели прогресса. Мы понимаем под этим то, что Н.Элиас и другие теоретики сформулировали как вопрос социального регулирования насилия и интеграции людей в сообщество. Эти три основных элемента - социальная справедливость, эмансипация и модель общественного прогресса - являются, с моей точки зрения, краеугольными пунктами социал-демократической политики. И если на это не дается убедительный ответ, то альтернативой является дезинтеграция и насилие.

Я хотел бы по одному из пунктов продемонстрировать модель прогресса и определить, в каком виде она представляется нам сегодня в изменившемся мире. До настоящего момента модель прогресса в сущности состояла в уверенности в том, что за счет развития техники и большего роста можно добиться большего качества жизни и большей стабильности. Это положение традиционного понимания прогресса более невозможно. Левые на протяжении их истории имели достаточно механистическое представление о прогрессе и эволюции.

Я хотел бы конкретизировать это высказывание. Если предпринять историческое сравнение, то можно констатировать, что с началом индустриального века нагрузка на природу возрастает. И сегодня вопрос стоит об экологическом саморазрушении человека. В качестве исходных условий мы взяли 1850 г. Тогда средняя температура на Земле составляла 14,5 градусов. Сегодня на Земле средняя температура составляет около 15,3 градуса. При этом следует помнить, что для имплементации этих

изменений требуется порядка 40-50 лет. То есть сегодняшние выбросы в атмосферу проявят себя лишь в будущем. Но мы сегодня уже не можем остановить действие этих факторов. При этом критическая граница составляет 1,5 градуса. Реальность же такова, что до конца следующего столетия в результате человеческой деятельности мы будем иметь потепление на 2,5 градуса. Причем этот эффект приходится на 70-80% за счет промышленно развитых стран (то есть примерно четверти населения Земли). Таким образом следует иметь в виду, что в будущем у нас не может быть модели прогресса без экологической составляющей.

Если из ВВП ФРГ вычесть сумму экологического ущерба, то мы становимся на 8 лет беднее. Вопрос состоит в том, способны ли мы создать эффективный союз между обществом, экономикой и экологией. Это вызов всей Европе. В Европе дискуссия на эту тему продвинулась значительно дальше, чем где бы то ни было в мире. Вопрос состоит в том, в состоянии ли мы рассматривать экологическую угрозу в качестве шанса для модернизации, обновления общества и прежде всего для усиления ответственности, солидарности и человеческого творческого потенциала или мы будем это рассматривать в качестве одной лишь угрозы и препарируем ее в духе технократического развития.

Сегодня экономически и с точки зрения политики занятости гораздо более разумно использовать меньшее количество энергии. Даже в ФРГ до 40% потребляемой энергии может быть сэкономлено. Использование этого потенциала экономии может создать большое количество рабочих мест. Но для этого необходимо иметь определенный инструмент управления со стороны государства. Рынок не сможет в одиночку этим воспользоваться, потому что в случае сомнения амортизация потенциала гораздо более выгодна для фирм,

чем изменение курса. Иными словами, основные идеи, которые содержались у В.Брандта, О.Пальме, Г.Брундланд, а именно требование новой модели прогресса, представляют собой шанс для срастания Запада и Востока. Это можно увязать с поиском новой европейской идентичности.

М.В.Каргалова. Социальное измерение является, с моей точки зрения, тем мостом, через который европейская интеграция может развиваться до уровня политической интеграции, то есть подняться на новую ступень. Разумеется, это процесс длительный. Отрадно, однако, то, что в ряде выступлений была отмечена необходимость долгосрочной стратегии. Такая стратегия нужна и в социальной области. Это прослеживается и в области занятости. Уже произошла гармонизация национальных планов борьбы с безработицей. Как представляется, выработка стратегии, где были бы переплетены все грани европейского интеграционного процесса, будет отражать суть той самой европейской модели, которая будет достижима в XXI веке. При этом это должна быть не только социально ориентированная, но и социально ответственная модель, включая как социальную ответственность населения, людей, так и социальную ответственность бизнеса.

Что касается России, то для нее социальный фактор является чрезвычайно важным. Опыт ЕС, хотя он и не по всем параметрам нам подходит и нуждается в критическом переосмыслении, содержит колоссальные возможности, которые, творчески переработав, Россия могла бы использовать.

В.П.Гутник. Я хотел бы отреагировать на выступление Э.Бара. К сожалению, оптимальных решений не бывает. Приходится чем-нибудь жертвовать. Нужно честно признать, что пока нет ответов на вызовы XXI века. Думается, что для трансформационного процесса лучше не оригинальничать, не изобретать таблицу умножения, а

научиться тому, что уже выработано мировой и европейской цивилизацией. При этом есть одна большая опасность. За это в свое время К.Маркс критиковал Прудона, предлагавшего отбросить дурные стороны рынка, оставить хорошие и создать таким образом нормальную экономическую систему. Поэтому было бы плохо со стороны экономической политики брать хорошие элементы у разных систем.

Но даже если мы полностью заимствуем модель, предположим, социального рыночного хозяйства Германии, как это было сделано в бывшей ГДР, то все равно как в ГДР не получится. Все равно это будет процесс переработки в процессе имплантации. Нужно отталкиваться от того, что уже выработано.

И еще, как мне представляется, создание совершенного механизма, когда прогресс, устойчивое развитие совмещается с экологическими, социальными и т.п. императивами, в условиях трансформации чрезвычайно сложно. В условиях падения промышленного производства, в условиях, когда страна живет более или менее стабильно, когда поднимаются цены на газ и нефть, требовать от нашей экономической политики энергосберегающих технологий было бы утопичной идеей.

Н.И.Гриценко. Мне кажется, что Россия уже сделала выбор модели. Хотел бы напомнить коллегам, что в мае 1993 г. специально созданная комиссия, после тщательного изучения и анализа целого ряда моделей, предложила Конституционному собранию научно обоснованный вывод о том, что надо остановить выбор на модели социального государства. Позднее это предложение стало нормой. Теперь в ст.7 Конституции РФ, как и в ст. 20 Основного Закона ФРГ, записано, что Россия - это социальное государство. Но одно дело - декларация, другое дело - практика. Наша практика идет пока не в русле развития

социального государства, а ориентируется в большей степени на прежние либеральные модели.

Что привлекло внимание научной общественности, Конституционного собрания? Привлекли те принципы, которые жизнь уже подтвердила в той же самой Германии. Это принцип вмешательства государства в дозирование рыночных стихийных процессов и социальной защиты, принцип тарифной автономии, принцип справедливости и солидарности всего общества.

Сейчас мы находимся на такой стадии, когда нужно определиться, что же это представляет собой в конкретных условиях России. Дума, в частности, ее комитет по труду и социальной политике создал научно-экспертный совет. Совету поручено разработать проект закона об основах социальной политики России как социального государства.

В.М.Фалин. В свое время я пытался добиться от Горбачева четкого ответа на вопрос: что мы перестраиваем? Попытки остались без успеха. Сказать правду о том, что у нас было, что такое сталинизм во всех его формах и проявлениях, Горбачев не захотел. Поэтому мы вращались в понятиях "социализм", "коммунизм", "развитый социализм" и т.д. Я утверждал раньше, и повторяю это теперь, что ничего общего ни с социализмом, ни тем более с коммунизмом наша система не имела. Это была диктатура. Октябрьская революция вела дело к обобществлению, а Сталин превратил все в огосударствление. Эта разница имела принципиальное значение. В 1926 г. в России был самый высокий уровень жизни в Европе. Сталин НЭП ликвидировал. Он ликвидировал и "сухой закон", введенный Николаем II с началом Первой мировой войны и переживший и революцию, и гражданскую войну, имея в виду, что, во-первых, налоги на алкоголь пополняют государственную кассу, а во-вторых, что пьяный народ политически пассивен.

Чтобы понять, где мы оказались, мы должны задать себе несколько неудобных вопросов. Для того, чтобы создать современную инфраструктуру, в том числе и соединяющую нас с Европой, мы должны понять, сколько это стоит, и откуда мы возьмем средства. Создание современной инфраструктуры в Восточной Германии обошлось немцам почти в 500 млрд. марок. Откуда мы возьмем средства, чтобы модернизировать нашу экономику, без чего никакая, ни рыночная, никакая иная экономика невозможна? Если мы не ответим на этот вопрос, то все наши разговоры окажутся пустыми.

Еще один вопрос: что мы понимаем под Европой? Если я правильно понял г-на Шрайнера, то он не исключает нас из Европы, в отличие от Соланы, который заявляет, что с включением Польши, Чехии и Венгрии процесс объединения Европы закончен.

Теперь, что понимается под рыночной экономикой и соответствующей экономической политикой государства? Берем пример США. Они измеряют, к примеру, запасы сои в мегатоннах. Они многие другие понятия чисто экономического плана переводят в категории силы. Можно ли реагировать на подобного рода политэкономические, экономические и прочие действия только способами рыночной экономики или это требует каких-либо иных способов реагирования? Вопрос далеко не простой. Это хорошо известно из отношений США с ЕС. "Банановые", "цыплячьи", "говяжьи" и т.п. войны дают богатый материал для размышлений. Этот вопрос далеко не абстрактный и для отношений ЕС с нынешней Россией.

Н.М.Римашевская. Чтобы выбрать наиболее оптимальную модель для России, необходимо прежде всего глубоко знать те процессы, которые происходят в самой России. Тогда у нас не будет никаких метаний, какую модель выбрать.

Как мы видим, после семилетних трансформаций Россия сегодня охвачена системным кризисом. Истоки этого кризиса коренятся в рафинированной либеральной концепции монетаристского типа, которая была реализована через шоковую терапию по Гайдару, через ваучерную приватизацию по Чубайсу и через распродажу госсобственности фактически криминальным способом. А что получили люди? Ведь ни предварительной оценки, ни оценки социальных последствий этих реформ не было сделано. Не было сделано никаких необходимых в этом отношении расчетов. Поэтому мы сегодня имеем не только системный кризис, но в рамках его - усиление очень острых социально-экономических проблем.

Во-первых, это резкое и устойчивое падение жизненного уровня населения. Достаточно сказать, что средняя заработная плата по своей покупательной способности сегодня, в 1999 г., составляет 10% того, что имел работник в декабре 1991 г. 38% населения находятся за чертой физиологического выживания. Средняя зарплата составляет сегодня 50 долларов в месяц. Возникла устойчивая бедность. Наблюдается устойчивый процесс маргинализации общества. По нашим оценкам, 10 млн. человек представляют собой маргиналов в социальном обществе России.

Во-вторых, мы наблюдаем катастрофическую поляризацию доходов населения, подобной которой нет даже в Латинской Америке. Фактически образовалось как бы две России, которые имеют не только различные потребности, структуру потребления, но просто плохо понимают друг друга. С одной стороны, это 40% бедного населения, которое борется за условия выживания. С другой стороны, это 5% богатых и очень богатых людей, которые сосредоточили у себя 3/4 накоплений, имеющихся у населения. Такая ситуация является источником

постоянных напряжений, нестабильности и социального взрыва.

В-третьих, нельзя не отметить и проблему естественной убыли населения. За 7 истекших лет Россия потеряла 5 млн. человек, которые не покрываются положительным сальдо миграции. Снижение рождаемости и рост смертности привели к тому, что ожидаемая продолжительность жизни для мужчин составляет 60 лет. Это возраст выхода на пенсию.

В-четвертых, мы наблюдаем опасное снижение качественных характеристик населения, которые касаются не только физического здоровья. Последние годы фиксируется катастрофический рост таких эпидемий, которые в своей основе имеют социальные причины. Это туберкулез, это СПИД, это сифилис. Наконец, мы видим снижение уровня психического здоровья, снижение уровня интеллектуального потенциала в результате "утечки мозгов", причем не только механической, но и физиологически обусловленной. Мы констатируем ухудшение материнского и особенно детского здоровья. Мы попадаем в такую социальную воронку, когда больные рожают больных, а бедные рожают бедных. Из этой социальной воронки не так уж быстро можно выйти. Нужно несколько поколений.

Наконец, на конец 90-х гг. в России насчитывалось 9 млн. безработных, что составляет 12% экономически активного населения. Причем здесь не учитывается скрытая безработица.

Продолжение описанных тенденций чревато деградацией человеческого генофонда в России. Поэтому без радикального поворота, без радикального социального маневра мы не сможем выскочить из той негативной инерции, о которой я сказала.

Поэтому проблема выбора модели, конечно же, органически связана с теми процессами, которые протекают в России. И не может быть иной модели, нежели социальная рыночная модель. Название не столь уж важно. Смысл состоит в том, что все приоритеты должны быть отданы человеку. Мы должны вытащить население из той социальной комы, в котором оно находится.

Ядром социально ориентированной рыночной модели является стратегия и тактика социальной политики. Здесь было сказано, что мы слишком много решаем тактических проблем и слишком мало думаем о стратегии. Я бы сказала, что это близорукая точка зрения. Мы выдвигаем три принципа для социально ориентированной рыночной экономики. Одна предполагает суверенитет личности и семьи, активность и ответственность индивида за свои действия в сфере труда, образования, потребления, репродуктивной деятельности. В свою очередь, государство обеспечивает политические, правовые и экономические условия для реализации личности.

Далее, социальные функции государства четко детерминированы. Затем, поддержание активных слоев населения, чтобы избежать ситуации, когда мы выдаем пособия "новым бедным", в принципе способным к эффективному труду. Далее, установление в обществе правового пространства. И, наконец, забота об охране окружающей среды. Третий момент сводится к тому, что в основе социальной политики лежит оптимальное сочетание минимальных социальных гарантий, прежде всего это гарантия прожиточного минимума, и минимальной оплаты труда, социального страхования. Без широкого поля социального страхования, обеспечивающего все основные риски гражданина, невозможно сформировать рыночную экономику с социальными ориентирами.

П.Шульце. Я бы хотел сказать, что в этой стране, я имею в виду советский период, было определенное

нарушение государственности. СССР не был государством в том смысле, как это мы понимаем в Западной Европе или в США. Государство не смогло взять на себя те функции, которые оно должно было исполнять. Здесь отсутствовали также профессиональные элиты, которые не сумели взяться за выполнение этих государственных функций. Мы должны избегать идеологической фиксации на какой-либо государственности. Государство - это тот институт, где встречаются представители общества для решения своих проблем и вопросов и разработки конструктивной политики, будь то социальной, экономической, экологической и др. политики, ориентированной на развитие.

Мне кажется, что в России этот процесс только начинается. Сегодня начинается создание новой государственной, общественной, экономической политики для России. Национальные интересы являются выражением интересов национальных групп. Предпосылкой этого является дифференциация общества. Те регионы, где находятся ресурсы и которые ориентируются на мировой рынок, имеют совершенно иные представления, чем имеет Россия, или же те ее регионы, которые имеют чисто аграрную ориентацию. В свою очередь, в пограничных регионах есть свои проблемы. Мы сегодня находимся в начале этапа дифференциации интересов, создания общего единого политического организма, разработки новой политической культуры. Эта политическая культура должна привести к тому, что конституционные институты в этой стране будут работать. Они фактически уже начали работать. Не назначаемые, а избираемые населением губернаторы чувствуют иную ответственность перед избирателями. Это те изменения, которые говорят о том, что общественное развитие все-таки происходит в положительном направлении и перспективы этого общества не следует рассматривать как катастрофические. Чем более активно все российское общество будет принимать участие

в реализации перемен, тем успешнее этот процесс будет продвигаться вперед, несмотря на все негативные факторы.

Ю.И.Рубинский. Известно, что “южная” социал-демократия имела слева от себя сильные компартии и была несколько левее. Плюс к этому у нее была более сильная государственная традиция. Это продолжалось до начала 80-х гг. После этого совершился крутой поворот. Сначала в Испании, затем во Франции и Италии, а также в Греции эти силы пришли к власти. У власти весь их идеологический инструментарий “вылетел в трубу”. Наступил период размышлений: куда двигаться дальше? Дело в том, что там, где социал-демократы остались у власти и сменили политику, они по сути дела проводили либерально-монетаристскую политику. К примеру, во Франции и Испании эта политика диктовалась императивами европейской интеграции. В той же Франции во главу угла была поставлена борьба против инфляции, за твердый франк, которая велась монетаристскими методами. В результате - разочарование традиционного левого электората и уход, хотя и временный, как показали события, от власти.

Теперь они находятся на новом витке. Отброшен словесный радикализм, усвоен крайний прагматизм, совершен переход в “правый центр”, ведется поиск нового этапа, где можно было бы одновременно демонстрировать эффективность и одновременно отличаться от либеральных партий.

Где ответ? Первый пункт - это увеличение ориентации на кейнсианские методы стимулирования внутреннего спроса. И здесь примечательно, на мой взгляд, совпадение чисто либерального подхода к налоговой политике и в то же время поощрение спроса, причем в пользу менее обеспеченных слоев населения. Левые партии пытаются затормозить процесс поляризации общества, динамизировать внутренний спрос. Но все это делается

таким образом, чтобы данная политика была европейской, а не национальной. Ибо если она будет проводиться, как это было в начале 80-х гг., на национальном уровне, а в других странах будет иная политика, то она провалится. Поэтому введение *евро* является кардинальным явлением. Либо политика будет общеевропейской, либо она невозможна вообще. Таким образом возникает вопрос, возможен ли определенный возврат социал-демократии в каком-то смысле на традиционалистские позиции, хотя, конечно, и с учетом ее предшествующего опыта, но уже в европейском масштабе. От ответа на этот вопрос зависит не только конкурентоспособность отдельных европейских стран (*евро* как раз выравнивает ее), но и единая социальная политика, а также конкурентоспособность Европы в отношении Азии и развивающихся стран и т.д. Данный вопрос, как мне представляется, остается открытым.

Й.Гиллер. Когда в 11 из 15 правительств ЕС, в которых участвуют или доминируют социал-демократы, то можно говорить об определенном приросте власти. Я хотел бы заняться в своем докладе поиском той самой “середины” и взглянуть прежде всего с позиции Австрии на европейский уровень.

Позвольте начать с некоторых эмпирических фактов. Среди государств-членов ЕС Австрия относится к числу наиболее богатых, с наименьшим относительным числом безработных. Тем не менее проблема занятости остается и в Австрии темой номер один. Высокие экологические стандарты и качество системы здравоохранения, прочное ощущение уверенности, а также оптимистические ожидания в отношении ближайшего будущего обеспечивают наряду с прочими показателями высокий уровень жизни. Что касается конкурентоспособности, степени хозяйственной свободы и прочих экономических признаков, то Австрия находится в средней части международного рейтинга, а по

уровню налогообложения предприятий она относится к тройке наиболее привлекательных государств ЕС.

Касательно одного вопроса я все же хотел бы назвать несколько конкретных цифр. Опорный пункт - "благополучие для всех". Речь идет о распределении дохода в государствах Союза. Примечательно, что результаты прямого сравнения между Австрией и Германией, когда сравниваются доходы самых богатых 10% населения и доходы самых бедных 10%, дают совпадение вплоть до десятых долей процента. Так, доля дохода беднейших слоев в обеих странах насчитывает по 2,7%, а наиболее богатых слоев - 22,8%-22,7%. По сравнению с другими государствами ЕС эти показатели говорят об определенной, пусть и умеренной, но несправедливости в распределении доходов. Однако если вспомнить расклад правительственных сил за последние 2-3 десятилетия и проанализировать эти данные под этим углом зрения, то можно увидеть, что 16-летнему пребыванию у власти в ФРГ христианских демократов в Австрии соответствует с 1970 г. непрерывная (а до 1983 г. даже единоличная) доминанта социал-демократов. Как известно, с 1986 г. у нас правит "большая коалиция", в рамках которой социал-демократы представляют очевидно сильнейшую сторону.

Я не ставлю сейчас вопроса о том, является ли данный результат позорным для одной стороны или лестным для другой. Но я считаю, что данный пример как раз и указывает нам на то, что можно было бы понимать под так называемым "новым центром", а именно, на тенденцию к неотличимости политики вплоть до самих ее результатов.

Здесь я хотел бы процитировать некоторых политический теоретиков этой "срединной стратегии". Говоря о Т.Блэре, которому, пожалуй, впервые удалось расположить левое правительство правее центра, следует прежде всего назвать идеи Энтони Гиттонс по вопросу о "политике реформ", как он сам об этом говорит в своей

книги "По ту сторону "правого" и "левого"". Радикальный центр, считает Гиттонс, должен приступить к перестраиванию социального государства по-иному, нежели неоллибералы, которые предоставляют все рынку. Он приводит целый список задач, которые, как и прежде, должно выполнить государство, то есть правительство, партии. Однако наряду с этим он хочет посредством проведения политики образа жизни и с учетом возможности выбора жизненных форм обратиться к совершеннолетнему избирателю, который в возрастающей степени готов к ответственному принятию на себя полноты риска.

Я считаю, что это скорее либеральные пункты. Многие постулаты Гиттонса, зачастую мало им конкретизированные, могли бы быть восприняты практически любой современной партией. Типично социал-демократический момент едва ли просматривается, хотя теоретик неизменно подчеркивает, что обновленная социал-демократия должна находиться слева от центра. В обращении к правительству, то есть к формообразующей силе, подход Гиттонса уже стыкуется с подходом Хабермаса, который еще в 60-х гг. говорил о радикальном реформизме. Хабермас в своем анализе постнациональной расстановки сил говорит среди прочего о неоллиберальной самоликвидации политики в вопросе о ее отношении к хозяйству, которое в результате глобализации во все меньшей степени является народным хозяйством, хотя после упрочения капитализма, как пишет Хабермас, возвращаются старые вопросы о справедливости распределения.

Ален Турэн, в свою очередь, считает, что всякая политика является политической центра, если она пытается увязать социальные цели и экономические интересы. Хотя он рассматривает как бессодержательную идею социал-демократии, связанную с участием профсоюзов во власти, он видит будущее левее центра, где социальные силы будут

упрочены, чтобы сделать государство способным оказывать сопротивление внешнему давлению экономических сил.

Ричард Роти в своем выступлении о функционирующей "левой" не хочет делать вывод о том, что противоположность между "правым" и "левым" уже преодолена и теперь следует отправиться в никуда так называемого "нового центра". В гораздо большей степени следует сочетать реформистскую практику с революционным пафосом романтического утопизма.

Если верить германскому христианскому демократу Х.Гайслеру, то тогда европейские социал-демократы лишь адаптировали в содержательном плане политическую концепцию центра и выдали ее за свою собственную. Иными словами, они более или менее успешно переняли ее у христианских демократов. Также как социальное рыночное хозяйство, она изначально принадлежит, по мнению Гайслера, ставшим чрезмерно хозяйственно-либеральными и общественно-консервативными христианским демократам, вследствие чего они должны как можно скорее вернуться в центр, считает Гайслер.

Что касается приоритетов европейской социал-демократии, то приоритет занятости является, конечно же, бесспорным. Если говорить о намерениях и планах социал-демократов Европы, то надо иметь в виду Миланский манифест, подготовленный к выборам в Европарламент, который несколько торжественно назван "21 обязательство для XXI века". Как и при анализе других аналогичных документов, здесь надо иметь в виду, что речь идет о наименьшем возможном знаменателе для представлений из различных течений и партийных традиций. Поэтому такие документы зачастую бывают набором достаточно общих мест, деклараций. Однако, можно сказать и по-другому, они являются типичным продуктом "середины". Отсутствуют ясные грани, нет четкости и обязательности.

Прежде всего в глаза бросается то, что этот Миланский манифест по некоторым пунктам отличается от заявления в Мальмельфе в 1997 г. Тогда речь шла том, что должна быть создана Европа, которая была бы более чистой, безопасной, оптимистичной и справедливой. Теперь речь идет о Европе более открытой, демократической и эффективной. С моей точки зрения также не совсем ясно, рассматривается ли эра неолиберализма в качестве уже пройденного этапа или он еще продолжается. Чаще речь идет о модернизации. И здесь, видимо, имеется в виду какая-то взаимосвязь между политической середины и модернизацией. Однако особого внимания в этом манифесте заслуживает расстановка приоритетов. Исходя из той Европы, которая, как говорится в документе, прежде всего думает о гражданах, я полагаю, что термином "близость к гражданину" дается весьма симптоматичное указание на то, что собственно составляет содержание борьбы за центр, за середину. Это ориентация на позицию большинства населения. Вот пассаж из преамбулы манифеста: "Европейский Союз должен поставить человека в центр и сделать приоритеты своих граждан своими собственными приоритетами - создание рабочих мест, борьба с преступностью и охрана окружающей среды".

Соглашаясь с этим общим постулатом, европейские социал-демократы обращаются не к определенной традиционной политической категории граждан, а к эмпирическому усредненному гражданину, что, собственно, в такой же мере могло бы подойти и для христианских демократов, для правых популистов или даже для либералов. Это не упрек, это просто констатация факта. Очевидно, что второй названный приоритет, а именно борьба с преступностью, может выдержать проверку в рамках любого эмпирического исследования общественных потребностей, и это при том, что данный приоритет не принадлежит к числу традиционных или, скажем так, подлинных предпочтений социал-демократов.

Если обобщить эту тенденцию прогрессирующей демократизации, можно сказать, что политика устанавливает все меньше приоритетов, и, напротив, в большей мере следует приоритетам, обозначенным большинством населения. Таким образом, она действует реактивно. Примечательным образом данный социал-демократический манифест эксплицитно соединяется с термином модернизация ("если мы хотим такой современной Европы, то мы и дальше должны модернизировать ее политические акценты, чтобы они соответствовали потребностям граждан").

Можно сделать достаточно очевидный вывод о том, что борьба за середину является не только современной, или модной, но и связана с политической и социальной модернизацией. Наряду с этим следует сказать, что возделенная середина, как и каким-то образом с этим связанная модернизация по-прежнему нуждаются в конкретизации, в более четком определении. Факт, что политика, причем не только политика социал-демократов, в последнее время стала более прагматичной и менее программной. Если взять хозяйственно-экономическое и социально-политическое измерения ЕС, то внутренний мир данного сообщества может быть обеспечен только посредством социального баланса, и от этого внутреннего мира зависит, в свою очередь, внешняя безопасность. Этих взаимосвязей не может избежать ни одно правительство, независимо от того, из каких демократических партий оно состоит.

Каким образом следует реализовывать классическую социал-демократическую ценность - солидарность - перед лицом ограничительной миграционной политики? Австрия находится в рамках ЕС по вопросу о признании социальных и политических прав эмигрантов практически на последнем месте. Здесь, например, эмигрант получает свободный доступ к работе лишь после 20 лет пребывания в стране.

Министр внутренних дел в Австрии является социал-демократом. Ему, в частности, принадлежат слова о том, что "если это называется популизмом, когда происходит согласие с подавляющим большинством населения, то в этом нет ничего плохого". Это фактически та же "близость к гражданину", которую мы видели на примере манифеста. Для меня "популизм" - это категория аналитической беспомощности. Однако случай с министром внутренних дел, который может стать кандидатом на пост федерального канцлера, указывает на это срединное позиционирование. Ведь министр недвусмысленно заявляет, что он заступил на свой пост не для того, чтобы поляризовать, а для того, чтобы соединять. Иными словами, я не хочу быть представителем ни правого, ни левого фланга, я хочу быть человеком середины.

Как я уже отметил, в Австрии пока не до конца разобрались, что же такое из себя представляет эта самая "середина". Во все большей степени можно констатировать, что политика коллективного популизма во многих государствах ЕС по очень многим параметрам могла бы столь же хорошо проводиться и иными, а не только правящими партиями. Итак, если новый центр находится там, где нивелируются политические различия и где политика приводит к одинаковым результатам "по ту сторону" мировоззренческих различий, то из этого, видимо, следует то бессилие и та бездейственность политического класса, благодаря которой получают выгоду хайдеры, лены, позволяющие себе говорить на те темы, которые лежат за рамками этой середины.

Можно сказать, что содержание во все большей степени замещается инсценировками, что краткосрочное приспособление к откликам СМИ становится масштабом политики, что та духовно-культурная гегемония, которая имела место в Австрии при Б.Крайском, или в ФРГ в годы правления социал-либеральной коалиции и с помощью

которой сегодня избирателей можно было бы эффективно "иммунизировать" против право-популистских искушений, обременена на чистую власть.

Правда, с другой стороны, справедливости ради можно сказать, что есть и определенный позитивный эффект. Эта неотличимость политики середины составляет основу ее предсказуемости и своего рода надежности и указывает таким образом на ее стабильность и безопасность. В любом случае, когда речь идет о борьбе за середину, то речь, конечно же, ведется и о политической идентичности социал-демократии.

М.Мюллер. Лично мне представляется, что основополагающая позиция заключалась не в поиске "новой середины", а в поиске "третьего пути". И в этой связи я хотел бы отметить, что первоначальный импульс для этого дали отнюдь не идеи Э.Гиттонса из Англии, а скорее идеи коммунитаристского движения в США, которое было определено как новое демократическое базисное движение. Мне кажется, что было бы упрощением трактовать идеи Э.Гиттонса как выражение отказа от социал-демократии или от традиционной социал-демократии. Что касается этого теоретика, то необходимо прежде всего разобраться с его тремя исходными пунктами. Первый пункт: как в обществе, где индивидуализация имеет растущее значение, можно заново установить напряженное отношение к коллективным организациям. Это иная исходная ситуация, чем та, которую вы описали. Я считаю это принципиально важным вопросом. Второй пункт: Хабермас ставит вопрос о том, какова сегодня дееспособность государства в условиях исчезновения существенных элементов национально-государственной дееспособности? Гиттонс также задается этим вопросом. И третий пункт: насколько наши параметры риска, начиная от системы страхования и вплоть до организации жизненных рисков, еще соответствуют духу времени в условиях все более сложного и все менее

обозримого мира. В этой связи необходимо осознавать, к примеру, тот факт, что социальное государство во многом коренится в бисмарковской системе. И в рамках этой системы исходили из иных представлений о рисках, которые сегодня, к примеру, в сфере экологии, совершенно неадекватны.

Таким образом, основополагающий вопрос, который ставит социал-демократия, состоит в следующем: верных, как в обществе, в котором, как говорит Р.Дарендорф, индивидуальные опции все больше возрастают, однако наряду с этим сокращаются ценностные привязки, можно организовать солидарность и общность? Это коренной вопрос всякой социал-демократической политики. Во-вторых, это определение роли государства в условиях растущей утраты автономии в налоговой политике, финансовой политики. В-третьих, что из себя представляет социал-демократическая политика перед лицом эрозии мира труда? В ФРГ лишь 2/3 рабочих мест предоставляют возможность быть занятым полный рабочий день. И это еще относительно высокий показатель в сравнении с другими странами. Однако если иметь в виду, что работа является основой для интеграции в общество и социальной обеспеченности, тогда следует ответить на вопрос о том, что же означает эрозия труда для социал-демократии? В-четвертых, если до сих пор сплоченность общества и шансы существенным образом были организованы посредством распределения роста, а в будущем мы должны исходить из совершенно иных моделей роста, то как будет выглядеть интеграция?

Поэтому я считаю, что за терминами скорее скрывается движение поиска. И это движение поиска порождено отчетливым осознанием того, что определенные политические формы более не отвечают реальности и не могут быть долее сохранены. И вопрос для левых состоит в том, будут ли они вообще участвовать в дискуссии и

пытаться давать собственные ответы на эти вопросы. Если они этого не делают, то, на мой взгляд, они проиграют противоборство. И поэтому, как мне кажется, эту дискуссию следует не приглушать, а напротив, ухватиться за самое ядро этой дискуссии.

Н.П.Шмелев. Реалистическое восприятия нынешнего состояние дел в России и в СНГ, на мой взгляд, обязательно предполагает определенную долю скептицизма и даже пессимизма. Мне кажется, что в свете нашей дискуссии самый главный вопрос состоит в том, какова возможная степень открытости России в самом широком смысле на предстоящую перспективу. Этот же вопрос можно сформулировать и более традиционно: что есть Россия - Запад, Восток, Евразия и т.д. Итак, какова возможная степень открытости? Я имею в виду общность и политических интересов, или по крайней мере общность политики с нашими западными партнерами, и снятие ограничений в движении товаров, капиталов, услуг и рабочей силы, и импорт инвестиций из западных стран, и наконец, какую-то культурную общность.

У меня складывается впечатление, что после периода иллюзий и высокого оптимизма сейчас намечилось движение назад. И степень открытости российского общества на видимую перспективу (полтора-два десятка лет) будет уменьшаться, а не возрастать. Это будет происходить по ряду причин, экономических, политических и культурных. За 90-е гг. произошло крушение иллюзий, в которых виновата близорукая политика Запада и НАТО в частности. Все-таки дураков нет, и российское общество никогда не простит нарушенную устную договоренность с западными лидерами о нерасширении НАТО на Восток. Сколько бы ни приводились гуманитарные аргументы, никто в России не поверит в то, что балканская агрессия - это просто гуманитарная акция. Мы прекрасно понимаем, что в гражданских войнах не бывает ни правых, ни

виноватых, что ни та, ни другая сторона не заслуживают никакой поддержки. Детскому лепету западных политиков о том, что они спасают косовских албанцев, в России никогда не поверят. Россия, основная часть российского общества, до сих пор внутренне не смирилась с результатами Беловежской встречи 1991 г.

Опять-таки, за этот год развеялись все иллюзии, что в нашем движении к демократии и рынку окажут серьезную помощь. Я, например, глубоко убежден, что августовского путча 1991 г. не было бы, если бы М.Горбачев в июле 1991 г. не вернулся после Лондонской встречи "G-7" с пустыми руками. Когда ему надо было помочь, ему не помогли. С тех пор в этой области многое происходит. Однако бухгалтерский итог однозначен. За 90-е гг. на один доллар всей совокупной помощи Запада из России в экономику Запада эмигрировало 2-3 доллара. Запад не виноват в этих тенденциях, это наша собственная глупость. Факт налицо: в 90-е гг. Россия финансировала Запад, а не Запад финансировал Россию. Российское общество начинает, пусть и медленно, это также понимать.

Еще один пункт. К сожалению, практически все наши политики западной ориентации оказались абсолютно скомпрометированы как с деловой точки зрения, так и с моральной точки зрения. Они оказались банальными ворами. Запад это знал, Запад это поддерживал. И это тоже элемент очень большого разочарования.

Далее, момент, который меня лично заставляет скептически смотреть на перспективы открытости России. Обнаружилось, что на самом деле российский деловой мир, как он сформировался на сегодня, не заинтересован ни в каких инвестициях Запада. Фактически наши олигархи, как собака на сене, сидят на ресурсах, сами не имея сил их разрабатывать, но предпринимают достаточно эффективные усилия, чтобы не пустить иностранный капитал в разработку этих ресурсов. Я напомню печальную судьбу

казалось бы очевидно выгодного для России закона о распределении продукции, который Дума блокировала вплоть до самого недавнего времени. Потеряно 9 лет! Минимальные оценки гласят, что только на 6 проектах Россия потеряла 50 млрд. долларов инвестиций. Но эти 6 проектов были блокированы. Наши олигархи-банкиры, которых я лично за банкиров не считаю, блокировали оперативную деятельность иностранных банков в России.

Иногда на Западе раздаются голоса, что Россия не хочет проводить конверсию оборонной промышленности. Это неправда. Мы самым искренним образом хотели провести конверсию. Но она забуксовала на первом же этапе в 1991-92 гг., когда оказалось, что российский потребитель никак не желает покупать холодильник или телевизор российского производства. Мы слишком поторопились открыть ворота для иностранной конкуренции. Более того, наши либеральные правители, не имея на то никаких физических и экономических оснований, создали привилегированный режим именно для импорта иностранных товаров. Одна из причин - это завышенный и искусственно удерживаемый курс рубля. После августа 1998 г. рубль был девальвирован в 4 раза, что показывает, насколько курс был завышен. А как известно, при завышенном курсе, сознательно поддерживаемом российским правительством и Центробанком, потратившим на это десятки миллиардов долларов, занятых на Западе, при поощрении МВФ, фактически проводилась политика поощрения западных экспортеров в ущерб российским товаропроизводителям. Мы просто физически не выдерживаем такую степень открытости нашей экономики. Грубо говоря, в середине 90-х гг. в России было конкурентоспособным только нефть, газ, лес, автомат Калашникова и ракеты. Все! Остальное можно было закрывать. Поэтому в таких условиях так распахнуть ворота, как мы это сделали, было очень рискованно.

Лично я считаю, что мы на обозримую перспективу вернемся к какой-то концепции умеренного изоляционизма. И в результате разочарований, и в результате того, что наши национальные задачи столь огромны, что очень активная роль в мировых дела не нужна просто потому, что она не ко времени и слишком дорога. Постепенно в российском обществе складывается консенсус относительно по крайней мере наших экономических задач. Очень большой разницы между Зюгановым и Гайдаром на самом деле нет. Оба они уверены в том, что заполярный Воркутинский угольный бассейн должен быть закрыт. Это символ, который символизирует все наши нежизнеспособные отрасли и предприятия. Их порядка 1/3 экономического потенциала России. Плюс еще 1/3 требует радикальнейшей модернизации и очень больших капиталовложений. Это национальная проблема, и здесь согласны все, что ее надо решать. Весь вопрос в том, как Воркуту закрывать: за две недели или за 5 лет? Здесь начинаются разногласия.

Все это не значит, что начнется полная изоляция, что мы потеряем всякий интерес к экономическим связям, передвижению капиталов, культурным связям. Но может быть, российское общество сосредоточится не на глобальной ответственности, а скорее на национальных задачах, на национальной ответственности.

К тому же пока не ясны перспективы наших отношений с бывшими советскими республиками. Что, Беловежская пуца - это необратимо, или это историческая случайность, зигзаг, который возможно принципиально изменить? Видимо, в отношении трех прибалтийских государств это действительно необратимо. Но в отношении остальных я бы не торопился с выводами. Здесь есть несколько предположений. Во-первых, что бы ни говорила пропаганда, и Российская империя, и Советский Союз были не искусственным, а органичным государством. Во-вторых, на этом пространстве была соткана исключительная густота

культурных и человеческих связей. Несколько политиков-авантюристов могли нанести серьезный урон этим связям, но не смогли полностью оборвать их. Следующий аргумент экономический. Жизнь показала, что ни одна из постсоветских республик не может нормально развиваться без экономических дотаций из России, если их нечем заменить. Заменить ориентацию на советский рынок ориентацией на внешний рынок - это очень хорошо в теории. Главное, им нечем торговать. Ничего серьезного нет ни на Украине, ни тем более в Грузии. Эти иллюзии очень ловко подогревают американцы, не понятно только, зачем им это надо. Я считаю просто авантюристической политику США на Кавказе и в Средней Азии. Например, бакинская нефть - это такая же иллюзия. Никто всерьез не собирается разрабатывать бакинскую нефть. Скупость официальных и неофициальных западных инвесторов отдает очень большим цинизмом. Уж если вы затеяли такую гигантскую геополитическую игру с целью полного разрушения традиционной российской сферы влияния, стремитесь отделить от нее Среднюю Азию, Кавказ, возможно, Украину, тогда это требует серьезных денег, настоящих инвестиций. Вы же хотите получить это путем мелких закулисных интриг, практически задаром. Так не бывает! А вот серьезно инвестировать в эти страны американцы по крайней мере не хотят.

Я думаю, что какое-то время антагонизм, дезинтеграционные тенденции будут усиливаться, пока все не станет окончательно ясно. Вполне вероятно, что ясность в оценках и настроениях на постсоветском пространстве появится тогда, когда появятся признаки серьезного перелома в экономическом положении России.

В.Н.Шенаев. Мне представляется, что в настоящее время мы наблюдаем очень важные изменения, которые происходят в мировой валютной системе. По существу XXI век начинается переходом к новой мировой валютной

системе. До этого в течение 30 лет господствовала бреттон-вудская валютная система, затем она рухнула в начале 70-х гг. Примерно с 1978 г. вступила в силу новая валютная система, получившая название ямайской (конференция проходила в Кингстоне, столице Ямайки). Она просуществовала до конца века.

Что же мы наблюдаем? Обе предыдущие системы характеризовались господством доллара. По существу был долларовый стандарт, хотя и были определенные отличия. В рамках бреттон-вудской системы долларовый стандарт был поддержан США, уже вне рамок Бреттон-Вудса, обязательной разменой доллара на золото. Поэтому на практике это было золото-долларовый стандарт. До 1970 г. он отличался стабильностью. В 1971 г. Никсон прекратил обмен долларов на золото. С этого начинается крушение бреттон-вудской системы, которое проходило до 1973 г. Официально крушение этой системы было признано МВФ в 1978 г.

Ямайская система хотела поколебать монопольную роль доллара в мировой валютной системе. Тогда была образована так называемая СДР. Но СДР не удалось вытеснить доллар. Да и сама эта денежная единица СДР почти наполовину (42%) состояла из доллара. Следует, однако, отметить, что хотя монопольное положение доллара и не было поколеблено, тем не менее удельный вес доллара и в валютной сфере, и в торговой сфере, и в валютных резервах уменьшался.

Я считаю, что на пороге XXI века мы наблюдаем становление биполярной валютной системы, где доллар теряет свое монопольное положение. Это важное новое явление. Оно связано с интеграционными процессами. Именно потому, что появилась региональная интеграция, возникла возможность создать свою денежную единицу, которая могла бы не только конкурировать с долларом, но и стать почти определяющей в мировой валютной системе.

Валютная стабильность должна поддерживаться и в региональном плане, т.е. в тесной связи с региональной интеграцией. Здесь были определенные различия между подходами Франции и Германии. Французы, в частности, говорили, что интеграционные процессы должны идти от валютной интеграции. Поэтому для них интеграционные процессы представляли собой "теорию мотора". Немцы исходили из другого принципа. Они считали, что валютная интеграция должна завершать экономическую интеграцию и быть как бы "коронай" в интеграционном процессе. Специальной комиссии было поручено найти компромисс между французами и немцами. Этот компромисс был найден в рамках "плана Вернера", вступившего в силу в 70-е гг. Те цели и задачи, которые были поставлены, этот план не выполнил. Однако основные идеи его остались. Эти идеи были воплощены позднее, когда интеграционные процессы в Европе достигли большого успеха. Как раз тогда возник "план Делора". И мне представляется, что интеграция удалась, в том числе и потому, что этот план учитывал и французские, и немецкие предложения. Экономический и валютный подходы даны в единстве, что предопределило успех, который мы наблюдаем.

Почему, например, ЭКЮ не удалось стать стабильной денежной единицей? Дело все в том, что ЭКЮ, как и СДР была синтетической денежной единицей. Им не удалось оторваться от национальных денежных единиц. Они базировались на корзине национальных валют. Впервые в истории возникает денежная единица, которая не является национальной денежной единицей. Собственно говоря, слабость доллара как раз в том и состоит, что это национальная денежная единица США. Эмиссия доллара за пределы территории США определяется лишь платежным балансом этого государства, иначе доллар не выходит из США, а не реальными потребностями мирового товарооборота, платежей и т.д. и т.п. Доллар не соответствует требованиям объективных экономических

законов в сфере денежного и валютного обращения. В этом его слабость. Теперь же мы свидетели того, как рождается новая региональная денежная единица, которая лишь до 2002 г. идет параллельно с национальными денежными единицами. После 2002 г. на пространстве 11 стран ЕС останется денежная единица, не имеющая национального характера. Она эмитируется не национальными центральными банками, а Европейским центральным банком.

Таким образом, возникла денежная единица, мировая по содержанию, ограниченная регионом, и которая будет противостоять доллару. Я думаю, что в ближайшей перспективе борьба между долларом и *евро* обострится. *Евро* имеет под собой большую экономическую основу. Это касается и валового продукта, и промышленного производства и особенно мировой торговли. Поэтому начнется процесс вытеснения доллара из всех сфер. Роль доллара будет уменьшаться. Очевидно, что переходить с доллара на *евро* будут не только страны ЕС, но и другие государства.

Российский рубль не может оказать серьезное влияние на мировой арене. Однако мы будем приспосабливаться к биполярной структуре в валютной сфере. Мы будем смотреть, с кем нам лучше иметь дело, на чью валюту нам больше опираться. В настоящее время у нас пока еще господствует доллар, и в валютных резервах (это почти 90%), и в торговле. Между тем наши основные экономические отношения развиваются с Европой (около 60%). В Европе нашим основным экономическим партнером является Германия. Переход с доллара на *евро* затронет значительные суммы. Как известно, только наше население держит на руках 50 млрд. долларов. Пересматриваются многие контракты, подписанные прежде в долларах. Они подписываются в *евро*.

Этот процесс перспективный. Он сближает нас с Европой. Я исхожу из того, что у *евро* более благоприятные перспективы в конкурентной борьбе с долларом. Я не исключаю и того, что со временем развитие может трансформировать биполярность в многополярность. Ведь аналогичные явления происходят в Азиатском регионе. Здесь также нельзя исключать возникновения своей региональной денежной единицы. Поэтому необходимость перехода от монополярного положения США к многополярному миру имеет хорошее подкрепление в новом явлении - создании новой международной региональной денежной единицы.

М.Малек. Я озаглавил свой доклад "Безопасность Австрии в Европе - актуальные позиции и перспективы". Я хотел бы заострить внимание на дискуссии, ведущейся в Австрии по вопросу о нейтралитете и возможном членстве в НАТО. По моим оценкам, это, пожалуй, единственная австрийская тема, которая находит интерес в России.

Хотел бы сказать несколько слов о позиции парламентских партий по проблемам безопасности. "Линия фронта" между сторонниками и противниками вступления Австрии в НАТО не совпадает с линией между правительством и оппозицией. Этот вопрос разделяет и правительство, и оппозицию.

Самая крупная политическая сила страны - Социал-демократическая партия Австрии - выступает явно против вступления Австрии в НАТО. В новой, принятой осенью прошлого года, программе СДПА говорится, что Австрия, "располагая нейтралитетом в сочетании с международной кооперативной солидарностью, имеет надежную концепцию безопасности. Поэтому убедительных причин для вступления в военный союз и отказа от австрийского нейтралитета нет".

Вторая по величине партия - Народная партия Австрии, - формирующая вместе с социал-демократами правительство, потребовала в одном из решений своего федерального правления (от 14 июля 1997 г.), что Австрия должна вступить в "новую НАТО и ЗЕС".

Третья по величине и самая сильная оппозиционная партия - Австрийская партия свободы - официально высказывается за вступление Австрии в НАТО и ЗЕС. В программе этой партии австрийский Государственный договор, подписанный в 1955 г., называется недействительным.

Оппозиционная партия "зеленых" борется, как дословно говорится в проекте их новой программы, "с любым шагом, нацеленным на вступление Австрии в НАТО или ЗЕС". "Зеленые" беспрестанно упрекают социал-демократов в том, что они допускают "подрыв нейтралитета". "Зеленые" выступают против так называемой милитаризации Европейского Союза, против интеграции ЗЕС в ЕС, а также против расширения НАТО на Восток.

Курс также оппозиционного Либерального форума нацелен на вступление Австрии в ЗЕС, но не в НАТО. С конца 1998 г. Либеральный форум явно выступает за роспуск национальных вооруженных сил, в том числе австрийской армии, в пользу создания "европейской армии".

Много признаков указывает на то, что в Москве внимательно следят за ходом австрийской дискуссии о политике безопасности. Для позиции России неизменно характерны два фактора. Во-первых, она не желает официально вмешиваться в австрийскую дискуссию. Во-вторых, она хочет и дальше видеть Австрию нейтральной. Примечательно, что это желание Москвы вполне находит понимание населения республики. Согласно проведенному

в июле 1998 г. социологическому опросу, 54% опрошенных считают желание России оправданным. Только 34% придерживается противоположного мнения. Анализ этих данных дает возможность предположить, что сторонники нейтралитета в Австрии, благодаря российской позиции, чувствуют себя более уверенными. Поэтому неудивительно, что некоторые социал-демократы и "зеленые" пытаются подкреплять свое негативное отношение к отказу Австрии от нейтралитета и вступлению в НАТО ссылками на соответствующую позицию России.

Несколько слов по ситуации вокруг Косово. Федеральный канцлер В.Клима и министр иностранных дел В.Шюссель непосредственно после начала военной операции против Югославии сделали совместное официальное заявление, в котором, в частности, говорилось, что ввиду положения в Косово "ничего другого не осталось для того, чтобы остановить действия югославской армии и сербских военизированных отрядов, кроме как применить воздушные удары". Австрия не принимает участия в военной операции против Югославии. Ссылаясь на свое законодательство, Австрия закрыла свое воздушное пространство для пролета натовских самолетов. Подобная линия Австрии вызвала в НАТО и США заметное раздражение.

Практически все австрийские политики подчеркивают важность включения России во все политические попытки урегулирования кризиса вокруг Косово. В российских представлениях о составе миротворческих войск в Косово часто фигурируют нейтральные страны, в частности, Австрия. В Австрии есть и соответствующая политическая готовность, однако только на основе мандата ООН.

В конце 1999 г. в Австрии состоятся парламентские выборы. Уже сейчас очевидно, что политика безопасности будет играть очень значительную роль, что весьма необычно для Австрии. "Зеленые" и лидирующие во всех

опросах социал-демократы пропагандируют сохранение нейтралитета, чтобы на фоне войны между НАТО и Югославией, в которую австрийцы даже косвенно не хотят быть втянутыми, набирать политические очки. Обе партии форсируют "активную политику нейтралитета, солидарность и общеевропейскую систему безопасности", без НАТО, но с Россией. Однако, конкретный смысл этих понятий остается до конца не вполне понятным. Австрийская Народная партия и Партия свободы не выставляют более или менее четко сформулированную поддержку НАТО, зная, что это может лишь повредить им на предстоящих выборах. Даже министр обороны Австрии В.Фасслабенд, который долгое время был известен как горячий сторонник НАТО, вдруг заявил, что он сознательно не хочет "требовать вступления Австрии в блок в год выборов". Проводя такую линию, Народная партия, по-видимому, стремится учитывать подтвержденный некоторыми опросами общественного мнения факт, что война в Югославии уменьшила количество желающих присоединиться к НАТО. Наиболее важный аргумент против вступления страны в НАТО сейчас заключается в том, что многие боятся, что австрийских молодых людей могут заставить принимать участие в боевых действиях НАТО. Хотя такой обязанности не существует, что показывает и нынешняя операция, в которой далеко не все страны - члены блока принимают участие.

Несколько слов об Амстердамском договоре, который вступил в силу 1 мая 1999 г. Этот договор содержит целую главу об "общей внешней и оборонной политике Европейского Союза". В одной из статей этого договора говорится о тесных институциональных отношениях Европейского Союза и ЗЕС с оглядкой на возможность интеграции ЗЕС в ЕС. Конкретно 17 статья называет гуманитарные миссии и спасательные операции, миротворческие задачи и военные операции по разрешению

кризисов, включая миротворческие меры (это так называемые "петербургские миссии").

Разумеется, нельзя заставить принимать страну в таких операциях. Помимо этого в австрийской политической элите по-разному оценивается влияние этой общей внешней и оборонной политики ЕС на австрийский нейтралитет. Так, лидер парламентской фракции Народной партии г-н Коль заявил, что "есть юридическая обязанность для Австрии не оспаривать возможные петербургские миссии". И далее: "Надо проверять в каждом случае, означает ли это, что Австрии пришлось бы открыть свое воздушное пространство для самолетов по пути к театру военных действий". Зато лидер фракции социал-демократов в австрийском парламенте г-н Костелка заявил, что Австрия "должна блокировать своим правом вето любую военную акцию Европейского Союза без мандата ООН". Безусловно, такая военная акция - это дело далекого будущего. ЕС еще долго не будет иметь для подобной акции военных ресурсов.

Э.Бар. Я уже не в первый раз с большим уважением прослушал то, о чем нам рассказал г-н Шмелев. Г-н Шмелев, в начале Вашего выступления Вы отметили нежелание дополнительных западных инвестиций, а впоследствии Вы утверждали, что инвестиции все-таки необходимы. Мне кажется, что здесь есть некоторое противоречие. Я точно знаю, что здесь в Москве работает около 1000 немецких фирм, которые отчасти желают инвестировать, но не могут этого сделать, поскольку на практике этому препятствует бюрократия. Отчасти это соответствует тому, что Вы сказали. Я знаю, что "Фольксваген" хотел бы здесь инвестировать 2 млрд. марок, однако не в состоянии продвинуться вперед в решении этого вопроса. Зависит ли это от того, что российское правительство не знает, какую политику касательно иностранных инвестиций ему проводить? Не касаясь

вопроса о правовых гарантиях, необходимо прояснить вопрос правовых возможностей и их ограничение для инвестиций для того, чтобы, к примеру, в Германии не возникало впечатление, что гораздо проще было бы все бросить.

Еще один пункт, который я хотел бы отметить. Я в полной мере понимаю тот шок, который пережила Россия после распада СССР. Я также с пониманием отношусь к тому, что Вы говорите о вине Запада в таком развитии, что Горбачеву не помогли тогда, когда он в этом нуждался. Однако я должен обратить внимание на то, что та ситуация, в которой сегодня находится страна, отнюдь не проистекает из какого-нибудь дьявольского западного плана. Это ведь по существу были российские решения. Отчасти мы не поняли, почему Россия в такой форме бросилась к американцам в объятия. Человек, которого трудно заподозрить в антиамериканских настроениях, а именно прежний федеральный канцлер Г.Коль, предупреждал об этом своего "друга по сауне" г-на Ельцина, однако безуспешно. Таким образом, то, что здесь произошло - это была чистойшей воды российская система принятия политических решений. И теперь нет никакого смысла причитывать по этому поводу.

И последний пункт. Я исходил из того, что когда делят страну, или когда она сама себя делит, то впоследствии необходимо значительное время, пока все вновь объединится. Мы в Германии обрели опыт, согласно которому народ можно разделить. 45-летний раскол наложил свой отпечаток на менталитет народа. Поэтому нам сейчас очень тяжело обрести подлинное единство. Тот факт, что на Востоке Германии у нас есть сильная ПДС, является еще одним свидетельством того, что у нас пока еще нет внутреннего единства. До тех пор, пока ПДС столь сильна на Востоке страны, а на Западе ее влияние практически равно нулю, единство Германии, по крайней мере в

психологическом отношении, с точки зрения менталитета, еще не достигнуто.

Я хотел бы в этой связи отметить, что республики бывшего СССР еще какое-то время будут находиться в "свободном плавании", гордясь своей независимостью, своим так называемым суверенитетом и международной дееспособностью. Если бы Россия пришла к выводу о том, что в своей внешней политике она должна заботиться о "ближнем зарубежье", то есть под углом зрения реинтеграции, то лично я бы воспринял это с полным пониманием. Я не знаю, сколько времени займет этот процесс и насколько успешным он будет. Но я знаю по крайней мере, что это не отвечает американским интересам. Киссинджер и Бжезинский говорят об этом совершенно открыто. И те пункты, которые были упомянуты в Вашем выступлении касательно американских действий в Центральной Азии и на Кавказе, говорят сами за себя. И это, если я правильно себе представляю, не отвечает германским интересам. Германский интерес состоит в том, чтобы утвердить в этом регионе стабильность, достичь предсказуемости, создать, наконец, такую ситуацию, когда будет, в конце концов, ясно, какие из этих республик хотят ориентироваться на Европу, то есть на рамки ОБСЕ. Может быть, некоторые из них и не захотят этого. Но и в этом случае была бы определенная ясность. Позвольте мне также сказать, что такая политика, которая бы ориентировалась на ревитализацию СНГ, не вправе сопровождаться изоляционизмом в отношении Европы. Было бы весьма достойно сожаления, если склонность к изоляционизму или к "умеренной изоляции", как выразился г-н Шмелев, означала бы уход или отграничение России с мирового рынка. В любом случае я хотел бы также отметить, что приоритет неотграничения должен принадлежать Европе.

Н.А.Ковальский. Г-н Бар поднял очень интересный вопрос об отношениях между Европой и Америкой. Коль

спрашивал Ельцина, почему Россия так сильно ориентируется на американцев. Но в этой связи и у меня возникает вопрос, почему же сама Германия столь сильно ориентируется на американцев? Вот некоторые формулировки из последней книги Бжезинского "Великая шахматная доска": "Европа - это американский протекторат", "Задача Европы - ассимилировать Россию" и т.д. Одновременно автор задает себе вопрос о том, почему европейцы столь сильно стремятся к сотрудничеству с Америкой в условиях, когда угрозы со стороны России практически нет. Он отвечает на этот вопрос: "Европейцы чувствуют себя слишком комфортно". Этот тезис Бжезинский не раскрывает. Это как раз то, что я хотел бы услышать от г-на Бара.

Мне также совершенно не понятно, почему Германия в настоящий момент, после США и Великобритании, играет роль третьего закоперщика в большой истории с Косово. Совершенно очевидно, что все эти пропагандистские демарши по поводу прав человека, беженцев лишь прикрывают суть дела. Для нас, научного сообщества в рамках Академии наук, совершенно очевидно, что здесь речь идет о расширении зоны влияния США. У меня такое впечатление, что Европа отноше не рвется сейчас на Восток, как это делают Соединенные Штаты Америки. Кто стремится утвердиться на Балканах прежде всего? США. Это началось не сегодня, а еще в первой половине 90-х гг., когда впервые без санкции СБ ООН начались бомбардировки. Ельцин протестовал, но его не послушались. Бомбардировки прошли, а Россия проглотила этот шаг, предпринятый прежде всего США. Ведь решение принимается в Вашингтоне, и все сидящие здесь это прекрасно понимают. И тем не менее Германия с этим согласна.

Лично у меня те разочарования, о которых говорил профессор Шмелев, появились именно применительно к

сфере международных отношений. НАТО, как вы помните, приняла хорошие резолюции в 1991 г. о том, что приоритет будет отдаваться политике, что сама НАТО перестроится в политическую организацию, где военная сила будет играть подчиненную роль и т.д. Мы полагали, что это вполне естественно и разумно, раз ушел в прошлое Варшавский Договор, ушел в прошлое Советский Союз, нет больше той "империи", как тогда писали, против которой была создана НАТО. Однако НАТО на практике ничего этого не сделала. Как военная сила НАТО осталась. Мне непонятен тот поворот, который произошел в связи с югославской войной, в том числе и в политике Германии. По сути дела сейчас рухнула вся система международных отношений, которая существовала до сих пор. Одни государства выступают против других, на тех же Балканах. Обострились отношения между Албанией и Югославией, между Грецией и Албанией, невероятные сложности испытывает Македония и т.д. Зачем это нужно? Мне это не понятно.

Это, кстати, и проблема применения силы. Тот факт, что впервые сила применена без санкции СБ ООН, открывает дорогу для широчайшего беспредела. Где гарантии, что завтра Турция не захочет тоже также расправиться с Кипром? Или с Грецией? Ее нет. Где гарантия, что, к примеру, Ливия не станет заниматься разработкой дешевого ОМП? Где гарантия того, что завтра какие-нибудь государства не заявят, что они не обязаны соблюдать Договор о нераспространении ядерного оружия? Собственно говоря, даже Договор об обычных вооружениях фактически пошел под нож. Для нас, россиян, большим разочарованием было то, что ломка всей этой системы, поддержка агрессивного курса США пошла от европейских социал-демократов. Мы в нашей стране хотели в основном, чтобы идеи социал-демократии взяли верх. Вдруг оказалось, что Т.Блэр стал самым ярким борцом, чтобы поломать эту систему против мира. В отношении Германии я из чувства

такта ничего говорить не буду. И так далее. Вот, что нас очень сильно разочаровало.

Н.П.Шмелев. Между мной и г-ном Баром существует высокая степень идентичности взглядов. Я хотел сказать, что во многом решающие силы России, наши олигархи, и видимые, и те, кто находится в тени, на самом деле не заинтересованы в импорте иностранного капитала. На самом деле они очень эффективно такой импорт блокируют. Государство виновато, но это уже вина других. Государство все 90е гг. не может установить более или менее привлекательный режим для прямых инвестиций. Первое, и главное, помимо гарантий - это уровень налогообложения. Это одна из стратегических и непростительных ошибок наших реформаторов. Уровень налогообложения установлен такой, что сейчас 45% российской экономики находится в тени. И это не потому, что люди плохие, а потому, что государственная налоговая политика, принятая Гайдаром и до сегодняшнего момента не изменившаяся, заставляет инвесторов уходить в тень. Это - главная вина государства в отношении импорта иностранного капитала.

Второй вопрос, политика изоляционизма. Как все в жизни, это вопрос пропорций. Я не призываю построить "китайскую стену". Но ведь американцы имели что-то в виду, когда 150 лет сидели за забором, прежде чем вмешаться в европейские дела. И у нас такие задачи, что если мы перестанем переживать за мексиканских индейцев, то и слава богу, надо дать им самим разобраться. У нас есть свои внутренние интересы, которые должны стоять на первом плане.

Э.Бар. С 15 марта 1991 г. Германия является суверенным государством. Это означает, что у нас два поколения политиков, журналистов и т.д., которые настолько привыкли за 46 лет к тому, что все важные вопросы решаются в Вашингтоне или в Москве, что им действительно трудно *стать нормальными*. За все время

существования ФРГ было принято 3 почти суверенных решения. Первое - это когда в 1952 г. Аденауэр отклонил ноту Сталина. Второе - это "восточная политика" В.Брандта, при полном учете того, что Четыре державы сохраняли в своей компетенции. И наконец, третье суверенное решение было принято, когда Г.Коль и М.Горбачев согласовали сокращение бундесвера до 370 тыс. человек. Для Федеративной Республики попросту трудно свыкнуться с мыслью, что ей необходимо нести полную ответственность за принимаемые решения. Почему Германия столь сильно ориентируется на Америку? Да мы просто ни к чему иному не привыкли!

Почти незамеченным прошел тот факт, что новый федеральный канцлер сказал то, что Г.Коль никогда не произносил, а именно о многополярности мира. Это точка зрения, которая ставит нас на сторону Парижа, Пекина, Москвы. И эта точка зрения отклоняет монополярность. Никто не замечает того факта, что именно из-за позиции федерального канцлера вопрос о наземной операции фактически снят с повестки дня. Ведь одни американцы это никогда не предпримут. Никто, видимо, не замечает и того, что практически единственным самостоятельным решением правительства среди стран - членов НАТО был "план из пяти пунктов", к которому американцы отнеслись очень высокомерно, но который, между тем а) отражает позицию альянса, б) позицию России, в) позицию ООН, г) приемлем для Пекина. Итак, я хотел бы сказать: не ожидайте невозможного.

Что касается книги Бжезинского. Естественно, я вижу, что это в американских интересах овладеть евразийским континентом, где решалась до сих пор судьба мира и будет решаться и дальше. В том числе и с вытекающим отсюда следствием, что Америка в том числе заинтересована и в том, чтобы западную оконечность Евразии, то есть Европу, рассматривать как "протекторат". И средство обеспечения

протектората - это НАТО. Естественным образом отсюда вытекает и логика, согласно которой на южной оконечности этого континента имеются базы, преследуются определенные нефтяные интересы, обнаруживается стремление к ослаблению России или к предотвращению ее усиления. А также то, что на Востоке этого евразийского континента предпринимаются попытки обеспечить равновесие между Китаем и Японией посредством присутствия Америки на восточной оконечности Евразии. Все это мне известно.

Однако я должен обратить внимание на то, что решение Горбачева допустить расширение НАТО до Одера и Нейсе было принято благодаря одному главному аргументу американцев. Бейкер сказал Горбачеву, что если вы в обозримом будущем выведете свои войска из ГДР, которая к тому времени уже не будет ГДР, то вы будете слишком слабы для того, чтобы контролировать Германию. Только мы, американцы, сможем контролировать Германию. Посредством НАТО. НАТО всегда представлялась нам, немцам, двуликой: безопасность для Германии и безопасность от Германии, для всех ее соседей. Германия является единственным государством - членом союза, которое подчинило все свои войска союзным структурам. Мы не в состоянии вести войну. Мы не в состоянии объявить войну. Я считаю, что это великолепно. И я против этого ничего не имею. Но я хочу сказать, что НАТО сохраняет свою функцию контроля над Германией. Германия на поводке, как в свое время сказал Бейкер. И это верно.

И еще я хотел бы добавить, что считаю все игры о распространении ядерного оружия в принципе смехотворными. Ведь за этим может последовать и вопрос о том, следует ли Германии обзавестись своим ядерным оружием, чтобы иметь возможность лучше себя защищать. Если ядерные державы полагают, что им необходима эта

игрушка, по каким бы то ни было соображениям - что ж, пусть будут довольны.

Г.А.Зюганов. Хочу поблагодарить за приглашение принять участие в столь представительном форуме. Я с удовольствием оставил Думу, которая не справляется в столь ответственный момент со стоящими перед ней задачами. Хочу высказать свой взгляд на происходящие процессы.

Мне кажется, что тема "Европейская модель на пороге XXI века" представляет особый интерес. Тем более, что ситуация в мире во многом определяется тремя вещами. Это полыхающая война на Балканах. Это финансовый шторм, который разразился в Юго-Восточной Азии и докатился до берегов Латинской Америки. Это углубляющийся кризис в Российской Федерации, что может вообще дестабилизировать всю ситуацию не только на европейском континенте, но и в мире.

Сразу хочу подчеркнуть, что я приверженец единой Европы. Я сторонник стратегических и долгосрочных отношений с крупнейшими европейскими странами, и прежде всего с такими государствами, как Германия. Я считаю, что объединение усилий объединенной Европы и подлинно демократической России будет самым перспективным предприятием XXI века.

Европа является колыбелью нашей цивилизации. Она добилась гигантских успехов в области культуры, науки, социального прогресса. В Европе зародились две ведущие модели общественного развития - либерализм и социализм. Европа - это континент, который в послевоенной истории добился редкой конвергенции либерализма и социализма и создал Европейский Союз, который способен был конкурировать на планете с кем бы то ни было, включая США. Я был сторонником вхождения России в Совет Европы, где работаю уже в течение 6 лет, где прошли

стажировку и подготовку депутаты от нашей фракции, изучая опыт Германии, Австрии, Франции, Швеции, Испании, Италии, обогащаясь опытом создания смешанной экономики, создания социального государства, демократических институтов. Я считаю, что эта школа исключительно полезна.

Я принадлежу к тем политикам, которые не являются противниками США, но я не хочу, чтобы страна, имеющая двухсотлетнюю культуру навязывала всем, как им жить, как думать, что хотеть и какую видеть перспективу.

Я считаю, что войну, которую развязали на Балканах, осуществили по трем принципиальным причинам. Первая причина. Этот инструмент может позволить не только разрушить Югославию, но и расколоть в том числе и объединенную Европу, которая испытала две мировые войны и выстрадала свое единство и свою единую политику. Вторая причина связана с тем, что война на Балканах по сути дела позволяет обкатать все современные виды оружия, оружие 6-го поколения. И если американцам удастся достичь там своих стратегических целей, то трудно сказать, кто будет следующей мишенью, ибо определять будут в Вашингтоне, а не в Бонне, Париже, Риме и где бы то ни было еще.

На мой взгляд, третья причина связана с тем, что очень важно сломать послевоенное устройство, за которое наши народы заплатили огромную цену, все институты международных отношений, включая СБ ООН, и навязать свои представления о развитии мира. Если руководствоваться логикой американцев о том, что они защищают права беженцев, то надо было бомбить в первую очередь Москву, потому что из 13 млн. беженцев, существующих сегодня на планете, 10 млн. в нашей стране. Я уже не говорю о локальных конфликтах - грузинском или других. Тогда надо бомбить и Пекин, потому что там есть проблемы с Тибетом, в Кашмире есть большие проблемы у

Индии, есть серьезные проблемы на Ближнем Востоке. Если руководствоваться этой логикой, то возможен не только слом международных отношений, но и большая горячая война, которая похоронит всю цивилизацию.

Мне близка и понятна позиция и обеспокоенность Э.Бара, которую он высказывал. Это позиция человека, который боится душой за мир в Европе и подлинно объединенную Европу. Мы считаем, что в основе мирного урегулирования на Балканах должны быть положены принципиальные вещи. Первое. Это немедленное прекращение бомбардировок. Второе - перенести обсуждение в ООН и СБ. Третье - обеспечить целостность Югославии и широкую автономию Косово. Четвертое - возвращение беженцев при строгом соблюдении их прав. Решающий вклад в это должна внести объединенная Европа, прежде всего Россия, Германия, Франция. Если этим трем государствам не удастся сложить усилия, то это пойдет во вред Европе и пожар будет разрастаться.

Хотел бы сказать несколько слов о ситуации в России. Нам нужны были реформы, и к стати их все поддерживают. 98% граждан России поддерживали необходимость перестройки в нашем отечестве. Сталинская модель жесткого централизованного государства выполнила свою историческую миссию, и уже с начала 60-х гг. необходима была реформация всей нашей политической системы, системы собственности. Для этого необходимо было использовать как собственный опыт, так и европейские наработки, которые возникли в послевоенные годы. Однако и Горбачев, и Ельцин разрушили все системы управления в стране, которые складывались не только в советский период, но и во всю тысячелетнюю историю. И сегодня наша огромная страна болтается в бушующем политическом море, когда капитана довольно часто нет в капитанской рубке, а то он и просто находится в нетрезвом

состоянии, когда нет ясной модели, а домашняя камарилья продолжает дирижировать нашей смутой.

Вчера состоялось седьмое рассмотрение премьеры за минувший год. Трижды - Кириенко, дважды - Черномырдина, Примакова и Степашина. Сама по себе очень важная конституционная процедура назначения премьеры превращается в формальность, ибо ни один из предыдущих не отчитался за проведенную работу, не понес никакой ответственности. Никакой целесообразности в смене правительства Примакова не было. Примаков пришел, когда спад производства составлял почти 15% в сентябре 1998 г., когда инфляция насчитывала 12%. Он оставил свой пост с приростом производства по ведущим отраслям и с инфляцией примерно в 3%. Он вдвое сократил долги по пенсиям, в пять раз - по зарплатам бюджетникам. По опросам Президентской академии, он пользовался поддержкой 60-70% граждан страны. Причем его поддерживали как очень состоятельные люди, так и средний класс, и абсолютно нищие, у которых все-таки появилась надежда на улучшение жизни. Клань, которые у нас враждуют вокруг президента, Березовского и Чубайса, взяли верх. На одной из встреч с Примаковым Березовский сказал: "Мы вас снимем, отправим в отставку". Так и случилось.

Удастся ли Степашину нормализовать обстановку, сказать трудно. Но сам факт, когда за его кандидатуру проголосовало 2/3 Думы, свидетельствует об одном. Если бы его поддержала лишь половина, то в правительство были бы назначены все, кого они посчитают нужным. А так как поддержали 2/3, то у Степашина есть небольшая надежда поспотпротивляться и взять в правительство более или менее грамотных людей. Однако если правительство меняется каждые 7-8 месяцев, то грамотные люди в такое правительство, как правило, идти не хотят.

Тем не менее я оптимистично смотрю на ситуацию по следующим соображениям. Первое - почти 100% граждан считают, что Ельцин завел страну в тупик и должен уйти. Практически все хотят, чтобы это произошло мирно и демократично. Второе - сложилась реальная оппозиция в лице нашего Народно-патриотического союза, которая имеет гигантскую поддержку как среди граждан, так и 45 глав администраций, входящих в Совет федерации, которые готовы объединить свои усилия для исправления ситуации. Третье - есть реальная программа, наработан огромный массив законов, который позволяет обеспечить такого рода политику. Четвертое - очень важно, чтобы это шло на основе Закона о выборах, в который внесены некоторые поправки. В ходе предшествующих выборов у нас были массовые фальсификации. По данным американской электронной разведки, Ельцину в первом туре приписали 6% голосов. Сколько во втором - одному богу известно. У меня, как у одного из кандидатов, в Дагестане украли 25-30% голосов. Если выборы пойдут вновь по этой схеме, то к власти придут откровенные бандиты, причем в государстве, в подвалах которого находятся 27 тыс. ядерных беззарядов.

В заключение хотел бы еще раз подчеркнуть, что мы крайне заинтересованы в сложении усилий европейских стран для оздоровления всей ситуации на планете. Планета "рах атегисала", когда все превращается в сплошной Голливуд, когда без разбора стреляют от пояса в тех, кто им не нравится, - это чрезвычайно опасный вариант для планеты XXI века. Без объединенных усилий Европы оздоровить эту ситуацию невозможно.

Теперь несколько слов к вопросу о внутреннем характере КПРФ. Россия - страна по рождению левая. Испокон веку на наших просторах можно было выжить, только ведя коллективный образ жизни. Идеал справедливости присущ нашему народу от рождения.

Поэтому кто бы что ни говорил, в России всегда левая партия будет сильная и массовая.

В России никогда не было сильных правых партий. У Жириновского партия чисто фюрерская. Он уйдет - она развалится немедленно. Последний рейтинг его был 2%. Но он им очень нужен, поэтому они надувают его до 5%, чтобы он прошел на очередных выборах. КПСС не была собственно партией. Она была системой государственного управления в огромной стране. Так, как ее ломали Горбачев и Ельцин - это преступление не только против нашего народа, но и против Европы и всего миропорядка. Они сломали не партию, а систему равновесия, которая возникла после Второй мировой войны.

Что касается нашей партии, то она близка к германской социал-демократии по духу, характеру и основным программным установкам. В экономике - смешанная экономика, хотя в нашей стране всегда государственные формы собственности будут значительны. В противном случае - не справиться с основными социальными задачами. Мы за то, чтобы выборы определяли, чьи программы и лидеры лучше. Но выборы честные и демократические, не то жульничество, которое мы видим сегодня каждый день. Мы за свободу прессы. Но я - лидер, возглавляющий блок, имеющий 205 депутатов в Государственной Думе, - на нашем Первом канале государственного телевидения за три года не выступил ни разу с отчетом перед своими избирателями. Меня туда просто не пустили. Я - один из кандидатов в президенты, который по Закону имел 10 минут времени перед вторым туром голосования для того, чтобы обратиться к стране. Я пять раз предлагал Ельцину сесть рядом и ответить на вопросы граждан. Он уклонился. Когда я приехал обратиться к стране накануне второго тура, то меня по телестудии провожали с собаками и автоматчиками. Привели к руководству и сказали: вы свое время не

получите. Я закупил пять минут эфира на коммерческом телевидении. Заплатил большие деньги. Тогда и тот канал перекрыли. Вот весь смысл демократии по Ельцину. Поэтому мы за то, чтобы партии соперничали честно.

У нас свобода религии. В КПСС нельзя было этого. У нас сняты все программные и уставные нормативы, которые запрещали это. Примерно треть людей в составе партии - верующие. Мы гарантируем свободу слова.

Мы за то, чтобы не было новых перегородок в Европе, чтобы процесс глобализации планеты проходил, чтобы никто не отгораживался новыми "железными занавесами". Мы выступаем за контакты со всеми европейскими институтами. Партия поддерживает связи с более чем 200 партиями на планете левой и центристской ориентации. Наша партия пока единственная, которая имеет свою структуру во всех без исключения городах и селах. Выпускает около 300 газет и журналов. Некоторые организации приняли за последнее время по 300-400 молодых людей. Когда вам говорят, что КПРФ - это партия пожилых людей, то знайте, что мой заместитель - чуть постарше, все остальные, 9 секретарей моложе меня. Это молодая партия, которая имеет прекрасную научную подготовку. У нас в Думе во фракции около 60 крупных промышленников и предпринимателей, ведущие юристы, талантливые и грамотные журналисты, представители всех регионов и всех национальностей.

И последнее. Если кто в стране может гарантировать относительную стабильность, то только мы. В последних манифестациях участвовали миллионы граждан. Это на фоне того, что в стране 10 млн. беженцев, 15 млн. голодных, 20 млн. безработных, участвовали миллионы в манифестациях, не разбили ни одной витрины, не перевернули ни одной автомашины.

Заключение

Итак, 19-20 мая 1999 г. в московской гостинице "Балчуг-Кемпински" прошла международная конференция «Европейская модель на пороге XXI века». Сама жизнь внесла свои коррективы в ее первоначальную концепцию. Это касается прежде всего югославской тематики: в мае 1999 г. военные действия на территории этой страны еще продолжались и, естественно, они не остались без внимания участников встречи.

Внутриполитические события в самой России также повлияли на ход конференции. Это прежде всего отразилось на составе участников мероприятия со стороны России. К участию в конференции были приглашены руководители почти всех думских фракций и групп. Они в подавляющем большинстве выразили большую заинтересованность и дали свое согласие. Однако вследствие событий 19 мая 1999 г. (голосование в Думе по утверждению нового Председателя Правительства РФ) им не удалось принять участие в конференции. Лишь в конце заседания 20 мая смог приехать Г.А.Зюганов.

Конференция на тему "Европейская модель на пороге XXI века", конечно, не смогла ответить на все вопросы. Впрочем, ее организаторы никогда не ставили перед собой такой сверхзадачи. В то же время участники конференции сумели четко обозначить многие проблемы, внятно сформулировать ряд вопросов, помогающих глубже понять смысл происходящего сегодня в Европе и мире в целом. Материалы заседаний конференции дают богатую пищу для дальнейших размышлений по затронутым темам.

Институт Европы РАН и Московское представительство Фонда им.Фридриха Эберта планируют продолжить сотрудничество в этом направлении и организовать новые встречи европейских ученых, политиков, экономистов для обсуждения путей развития Европы в XXI веке.

ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА

*Материалы международной конференции
Москва, 19—20 мая 1999 г.*

Формат 60 × 90 1/16. Печ. л. 8,75. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЗАО "Интердиалект+"
103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3В
ЛР № 064932 от 20.01.97.

© Институт Европы Российской Академии наук